

Петр Анатольевич
Никитин

Коромысла и толкунчики

До этого были «Я
и зелёные стрекозы»

Петр Никитин

**Коромысла и толкунчики. До этого
были «Я и зелёные стрекозы»**

«Издательские решения»

Никитин П. А.

Коромысла и толкунчики. До этого были «Я и зелёные стрекозы» /
П. А. Никитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500540-3

Если мои мысли выражаются от первого лица, то это значит, что я нахожусь в наивысшей степени развития эгоизма. Если получается наблюдать за собой со стороны, то значит эгоизм отступил, и душа находится в свободном полете. Когда мысли текут с точки зрения другой личности, то значит мир кончился, впереди край, за которым находится пустота.

ISBN 978-5-00-500540-3

© Никитин П. А.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Преамбула	7
Первая Часть. Солнечное безвластие	8
Первая глава. 1.1. Утро	8
1.2 Путь	12
1.3 Побег из лабиринта	20
1.4 Разогревая лёд	25
1.5. Тело Зимы	27
1.6. На крючок	35
Вторая глава. Физиологическая память и физиологические жидкости	38
2.1. Любитель	39
2.2 Много имён	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Коромысла и толкунчики До этого были «Я и зелёные стрекозы»

Петр Анатольевич Никитин

© Петр Анатольевич Никитин, 2019

ISBN 978-5-0050-0540-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Посвящаю книгу друзьям. В пустоте наполненной музыкой пишется быстро и здорово.

Преамбула

Вокруг живого тела человека возможно бушует хаос физического мира. Лишь иногда, наверное, под влиянием социума – Солнце, Биосфера и Литосфера находят равновесную точку спокойствия, когда можно успеть рассмотреть самого себя и свой кусочек планеты Земля и понять – что творится в данный момент времени.

Если мои мысли выражаются от первого лица, то это значит, что я нахожусь в наивысшей степени развития эгоизма и кроме себя большое ничего не воспринимаю.

Если получается наблюдать за собой со стороны, то значит эгоизм отступил и душа находится в свободном полете.

Когда мысли текут с точки зрения другой личности, то значит мир кончился, впереди край, за которым находится пустота.

Мне не спрятаться за местоимениями: «я», «мой», «мои», «мне», мне не избавиться от отрицаний, выражаемых частицами и приставками «не» и «ни». Точность действия обычно выражается «как ни будь» и «где ни будь», точность времени словами «вероятно» и «возможно».

Высшим смыслом если он понадобится пусть будет великий аттрактор, и растянутые в спирали орбиты небесных тел, приближающихся к нему с каждым новым витком.

Первая Часть. Солнечное безвластие

Первая глава. 1.1. Утро

Меня зовут Лука. Во времена, когда я был младенцем, и обладал образным мышлением, это имя, согретое белым солнцем, представлялось мне пологим берегом реки, где на изумрудном поле танцует роща стройных, лёгких, грациозных рябин. Мой молодой разум ещё не знал законов природы и поэтому выходило некоторое нарушение времён года: осенние веточки рябин, гнулись под тяжёлыми гроздьями алых ягод, а из зелёной, весенней свежей травы поднимали бутоны синие и розовые цветы.

В детском саду, и в младшей школе, мне было приятно слышать своё имя, особенно если его говорили ласково, с добротой, моя душа в такие моменты парила в облаках.

Но с взрослением год за годом я начал стесняться имени, мне оно казалось мягким, инфантильным, появилось желание чтобы меня звали «Антип» или «Пётр». Эти имена, были более подходящими для житья в Санкт Петербурге, на Васильевском Острове. Интернет, на своей русскоязычной заре мог запомнить меня под именем «Антип Лукин» или «Пётр Лукин». Всё это, как оказалось, не было случайностью. На Васильевском Острове, исторически так сложилось, редко происходят случайные события, поэтому мне с большим трудом удаётся пересечь граничные с берегом мосты.

Теперь, по понятным причинам это уже не важно. Антип, сам, по своей природе, не может верить в случайности, а рассеянный Пётр верит в любые небылицы.

Лука, то есть я лично, в своём настоящем, не совсем здоровом состоянии, лишён возможности верить, так как лежу с отключённым алкоголем мозгом, в тёмном, душном помещении. Я хочу спать, впасть в лечебное небытие, но мой сон тревожен, словно у певчей птицы, на восходе золотого солнца.

Мои размышления о детстве, прошлом и будущем в данный момент прерывает пронзительный, старушечий, похожий на вой дрели крик:

– Я уже вызвала милицию! Милиция! Грабят! Нас грабят! Милиция!

– Что случилось? – лепечу я в ответ.

– Ты вор! Ты украл телевизор! Милиция, у нас украли телевизор!

Спросонок любое обвинение может вызвать паническую атаку. Меня не миновали сии свойства человеческой психики. От ужаса, вызванного голосом старой женщины, у меня свело ноги, и боль, тонкими мышечными нитями пронзила икры и голень. Мои глаза открылись и пространство приобрело очертания бетонной коробочки, стандартного помещения, стандартного дома 19 века.

Я спал в одежде, на замызганном диване в незнакомой комнате. Вчерашний вечер, я помнил обрывками, но где-то рядом должен был находится мой товарищ, компаньон по душевным застольям, гражданин привезший меня сюда – Добрыня. Он может прояснить, ситуацию, и успокоить взбешенную старушку. Найти его не просто, яркие лампы, шестирожковой люстры слепят глаза, и даже через две минуты, когда я понял, что человек, который привёз меня в эту квартиру исчез, я продолжал шуриться.

Старушка, когда выяснила что я проснулся и способен встать на ноги, выскочила из комнаты, где-то хлопнула дверь

– Милиция! Милиция! – дрель верещала с новой силой, и судя по эху её крик раздавался не только на всю квартиру, но и на лестничной клетке – Милиция!

Я закрыл глаза, и завалился спать, смиренно ожидая, когда старушка устанет кричать и успокоиться. Но послышался шорох, и за стенкой раздался второй, тоже, как и первый мало-приятный, женский голос.

– Мама успокойся! Он сам уйдёт! Он сейчас уйдёт! Ну или его увезут. Его увезут и посадят в обезьянник. Ты главное, его специально не беспокой, пусть дрыхнет пока.

Мне пришлось вскочить с дивана. Спазмы уже отпустили икроножные мышцы, и я смог сносно перемещаться в пространстве. Но это было не важно, я бы вскочил даже если надо было порвать связки и сухожилия. Потому что в случае опасности научен действовать благо-разумно, и даже энергично. И в настоящий момент, мне следовало покинуть токсичную комнату, вырваться за пределы токсичного дома и скрыться от полиции.

Но перед бегством, следовало настроить глаза и снова внимательно оглядеться. Чтобы не оставлять здесь какого-либо имущества или иных следов пребывания. Потёртая обстановка комнаты, напоминала о убогих попытках придать ей уют. Светлые обои, искусственные орхидеи и пластиковый плющ, кровать, заправленная в чистое белье, также чистый, вытертый до блеска, ветхий журнальный столик, и засиженный неопрятными людьми диван, казалось были и рады мне помочь, но не могли. Мои или Добрынины вещи отсутствовали, только в воздухе ещё висело облачко алкогольного дыхания. Телефон я нашупал в кармане, и благо что спал в обуви, резко побежал в сторону выхода. В тесном коридоре боролись две престарелые женщины:

– Грабят! Меня грабят! Убивают! Украли телевизор! – верещала одна из них, та что постарше.

– Урод! – крикнула вторая, и смачно плюнуло на меня, когда я бочком протискивался мимо.

Меня её действия не остановили, входная дверь, располагалась тут же в коридоре, и она была распахнута настежь.

Как только я выскочил на лестничную площадку, дверь захлопнулась и с такой силой что с потолка посыпалась штукатурка. В моей голове, гул от удара двери отразился болезненным эхом. Но стоило помассировать скованные напряженными трубочками виски, как дверь вновь распахнулась и из квартиры была выброшена большая, двадцатилитровая канистра. Это была вещь Добрыни, в канистре был спирт:

– Это не моё – прошептал я

Но дверь захлопнулась с ещё большей силой, и послышался удвоенный крик:

– Аллю милиция! Нас ограбили!

Мало что соображая, впопыхах, я схватил канистру, и побежал по лестнице вниз. Стены в кирпичном бараке, были со вкусом покрашены салатовой морилкой. Дверь в парадную оборудованная домофоном и доводчиком поддалась открывающей кнопке, и за моей спиной закрылась тихо и мягко. Это было спасением для моих висков.

На улице меня встретил трескучий мороз, тёмные дома, и глубокое звёздное небо, полностью лишённое влияния дневного светила.

И даже здесь был слышен крик:

– Милиция! Милиция!

Странно что на него никто не реагировал, все спали. Я взял канистру, и направился в сторону огней широкой улицы, на которой жёлтым светом равнодушно мигал светофор.

Меня совсем не удивило, и не возмутило поведение старушки, наверное, именно так и стоит поступать с незнакомыми пьяными людьми, если они оказались в вашем доме, и, если вас совсем не волнуют дальнейшие судьбы этих людей.

Меня тоже не волновала судьба этих двух несчастных увядших женщин.

Около светофора, я некоторое время смотрел в тёмное небо. Оно было холодным, далёким, острый свет звёзд подчёркивал протяженность космоса, и его зависимость от солнечного диска. В отсутствии центра Солнечной системы, небо превращало Землю в ледяную пустыню.

Светофор, старался заменить для меня солнце, навязать свои правила. Но как известно мигающий желтый, означает лишь одно, аппарат не влияет на дорожное движение, и лишь ждёт своего часа.

Проветрив лёгкие прозрачным морозом и выпустив в воздух несколько облачков внутреннего пара, я сунул руку в карман и достал телефон.

Пришло время прервать путешествие, отгородится от ночи оболочкой автомобиля и под звуки ночного радио достигнуть Васильевский остров, где на брусчатой улице притаилось моё законное, осенённое комнатными растениями, жилище.

Но телефон умер, батарейка нуждалась во внешнем электричестве, а без него он превратился в коробочку с плоской зеркальной пластью. Кроме коробочки, после отчаянных поисках в карманах была найдена пустота. Наличные деньги, кредитные карты и ключи отсутствовали. Они остались дома.

Вчера мне показалось хорошей идеей, – оплачивать свои похождения при помощи смартфона. И теперь чтобы продолжить быть платёжеспособным, мне требовалось начать движение в поисках энергии, которая способна течь по проводам.

Я ещё раз посмотрел на небо, на дома, на застывшие бульвары и дрожащие фонари уличного освещения. Моё местонахождение можно было разведать только при помощи спутниковой навигации, или аборигенов. Скорее всего я находился за пределами Санкт-Петербурга. Такое положение вещей меня ничуть не смутило. Мне требовалось, именно такое продолжение вчерашнего загула – лютый мороз и пустые улицы. В отсутствии дневного света у меня появился шанс, раздвинуть границы собственного мира.

И желая добавить своему движению поступательный смысл я направился в сторону предполагаемого железнодорожного вокзала. Ведь, когда у вас нет перчаток и головного убора, только две бесконечные стальные полосы, скреплённые рёбрами шпал, могут быть спасением от мороза и арктического звёздного стекла. Основное достоинство рельс – это отсутствие спирального движения, а только прямое от горизонта до горизонта. Сквозь поля и тундры.

Направление подсказывал ледяной ветер, я шел, повернувшись к нему спиной, защищая лицо и руки от обморожения, и вздрагивая от далёких, редких вспышек автомобильных фар. Иногда я путал их с обычными уличными фонарями и мне казалось, что на меня падают столбы. Необъяснимый стыд терзал душу, и мне было важнее корить себя, чем попытаться найти правильную дорогу. Канистру я нёс как драгоценный груз, залог моей финансовой независимости.

По счастливой случайности, вскоре вымороженное пространство улиц раскололи звуки железной дороги.

Вроде бы мы вчера собирались в Пушкин, но на здании вокзала люминесцентным светом горело слово – «Ломоносов». Анализируя новые обстоятельства, мне показалось, что я сделал что-то плохое, раз вместо Царского села приехал в Ораниенбаум, возможно за это, мне придётся просить прощение, или умереть в глазах какого-то человека. Стыд и страх, были моими верными спутниками в экстренных ситуациях, я к ним уже привык и считал неотъемлемой частью своей личности.

Брендовые автомобили служб такси, попрятались. Но зато у вокзала, в направлении Санкт Петербурга стояла электричка, свет в вагонах был погашен. Мне довелось в своей жизни пользоваться электропоездами на данном направлении движения. Это было во времена моей учёбы в Университете. Это были счастливые времена. И желая к ним прикоснуться, я решил во чтобы то ни стало, проехать несколько остановок, на безупречном, соблюдающем все нормы по защите экосферы, транспорте.

Пройти на перрон сквозь вокзал оказалось затруднительным. Требовались деньги и билет. Пришлось идти в обход, через сугробы и трансформаторные будки. Во время движения снег набивался в клапаны штанов и обжигал голени. С большим трудом, обойдя турникеты с стыла, я закинул канистру на платформу, лестница с бесплатной стороны отсутствовала, а когда подтягивался сам, обратил внимания, что костяшки пальцев моих ладоней были белосиние как у манекена. Только в вагоне мне удалось немного успокоиться и согреться.

Окна в салоне были покрыты ледяной коростой, а лавки едва согреты печкой. Но этого немногочисленного тепла вполне хватило, чтобы почувствовать уют и защищенность. Я вспомнил, как когда-то давно, в посёлке Ульяновка курсировали тёплые автобусы ЛАЗы. При поездке на них, я нагревал монетки и примораживал их к окну, с получением ледяных отпечатков, орла или решки. Или прикладывая к окну ладошку, получая оттаявший силуэт руки, отец, глядя на проделки улыбался, а брат повторял мои движения. С тех пор исчез умер отец, исчезли ЛАЗы, но осталось чувство радости похожее на то, которое я почувствовал, отогревая ладони в электричке.

В последние годы, в вихре ежедневных событий, мне редко удаётся побаловать себя детскими воспоминаниями. В моём обыденном окружении, очень мало физических или виртуальных, культурных предметов за которые можно зацепиться у унести глубоко в невинное прошлое. В иной мир, свободный от взрослой упорядоченности и солнечных спиралей мир.

Дремота, это лучшее, что придумала эволюция человека в ответ на отравление организма этиловым спиртом. Отогревшись после прогулки по Ломоносову, я закрыл глаза и растворился в тёмной тишине.

1.2 Путь

В полусне мне привиделся весь вчерашний день. От первого телячьего восторга, как надежду на весёлое приключение до алкогольного забытья в душной маленькой комнате.

Кроме скучных разговоров, нелепых поступков, алкоголь ничего не привнёс. Вечером я надеялся, что вызванная отравлением спирта спонтанная поездка загород, изменит к лучшему мою жизнь, подарит счастье, но ошибся.

Как обрывки сна, мне привиделись лица знакомых, которые смотрели на меня участливо с укоризной. С их точки зрения, встречать утро рабочего дня в вагоне тёмной электрички на пустынном перроне, признак безответственности и участь неудачника. Я был с ними не согласен, но сформулировать ответ на немой укор не мог. Что-бы лица исчезли я открыл глаза и уткнулся лбом в ледяное окно. Большинство старых друзей и знакомых, уже давно позабыло о моём существовании. Их стиль жизни не предполагал, даже случайную возможность, пусть и в виртуальном режиме составить мне ночную компанию. Утро, это в первую очередь привкус зубной пасты и свежая рубашка, а не открытый всем ветрам и звёздам железнодорожный вокзал.

Дремотные видения, это фантазии эгоистического толка. Эгоизм – это моё естественное состояние, как, впрочем, и у многих других счастливых представителей среднего поколения.

Вчера, во время своего позорного бегства, Добрыня всё время повторял:

– Лука, Лучок тебе лучше остаться. Тебе лучше остаться здесь! Лука ты сам об этом просил. Лучок ты сам об этом просил! Ты сам просил!

О чём я мог его просить? Скорее всего он уехал к себе домой. У него, мне, появляться не стоило, так как жена Добрыни была убеждена, в моем отрицательном влиянии на мужа. Наверное, он уехал домой на такси, ехал, наверное, по дамбе, так быстрее всего добраться до Лахты. Его там ждала тёплая система квадратных бетонных объёмов, которую женщина наполнила комнатным уютом. Если бы я тоже поехал в Лахту, то меня бы там встретил бетонный скелет каркасно-монолитного дома. Этот скелет уже несколько лет не может обрасти мясом, и поэтому, вынужденно я сосуществую на территории своей бывшей богини, довольствуясь воспитанием дочерей.

Добрыня бросил меня, у неизвестных престарелых женщин. А может я остался здесь сам, по доброй воле, в надежде на приключение, вернее в призрачном, робком желании изменить свою жизнь к лучшему, но в Ломоносове это сделать не удалось.

Шли минуты. Волны самоуничужения, одна за другой, с нахлестом, набегали на сознание, и физически, закрутили водоворот в желудке, в задумчивости, я смотрел на канистру.

Спирт не следовало пить, неразбавленным, прямо из канистры и я знал почему. Попадая в ротовую полость, чистый спирт повреждает эпителиальные ткани. После всего одного глотка, водишь языком по небу и ощущаешь слой мертвых клеток, и на самом языке, и на нёбе, и на деснах. Мои знания в этой области, получены не из веселого интернета и не из бородатых мужских баек, мне довелось лично попробовать чистый спирт.

Однажды в июне в Нижнесвирском заповеднике я сидел за одним столом со своими однокурсниками – экологами. Я выпил водки, и чтобы её запить мне подали металлический, алюминиевый чайник. В чайнике был спирт.

То, что произошло дальше в памяти отложилось блестящей шёлковой лентой. Кто-то в последствии жаловался, что я, на территории учебной базы Университета, голый нырял с причала. Мне лично запомнился, мужик с удочкой.

Мужик поймал в Свири огромную щуку, тыкал мне под нос щучьей мордой и басом кричал:

– Это крокодил! Понимаешь это крокодил!

У шуки была огромная пасть, в нее с легкостью мог бы поместиться кулак. На мощных челюстях сидели белые, острые длинной до сантиметра, зубы.

– Это крокодил! – кричал мужик, распаяясь – Смотри какой крокодил!

– Да, да – растерянно соглашался я, крышка черепа у шуки, действительно напоминала щиток крокодильей кожи.

Потом мужик исчез, а я впоследствии проснулся в поле около дороги, надо мной шумели ветви одиноких берез. В пять утра электричка увезла меня в Санкт Петербург.

Февраль не самое лучшее время, для поиска жидкости, но то, что лёд или снег, можно использовать для закуски, было очевидным. Не заботясь, что поезд уедет, и увезёт канистру я вышел на промозглую платформу, и слепил несколько маленьких, твёрдых снежков, мне пришлось постараться, чтобы найти наст белого цвета.

Когда, отравленный спиртом снег, начал растворяться в желудке, полиция услышала и приняла к сведению крики давешней старухи.

Её крик, как оказалось, до сих пор сотрясал воздух: «Милиция! Меня грабят! Меня грабят! Телевизор! Телевизор!» – и эхо, густой кровью билось в висках, и возможно не только моих, но и у посторонних, жаждущих правосудия людей.

В вагоне щёлкнули металлические кулачки, это машинист включил свет, и в салон электрички вошло около двадцати одетых в синюю государственную форму, сержантов и офицеров. Они заняли лавки у противоположного выхода, и лишь мельком обратив на меня внимание, громко загалдели, я слышал смех и шорох одежд. В волнении, вблизи от возмездия, я вжался в своё твёрдое место на лавке и не дышал. Возможно, сегодня они пришли не по мою душу, но проверять мне не хотелось.

Вагон качнулся и тронулся в путь. Вокзал города Ломоносов скрылся за горизонтом правой половинки окна, ему на смену возникли заваленные снежными камнями домики, сараи, переезды и пустыри.

Следующая остановка называлась Мартышкино, когда я жил в ПУНКЕ, мне приходилось бывать в этом посёлке. Вроде бы здесь скрывались за деревьями Лютеранская кирха и старинные дома, которые называют наследием Ингерманландии, но я их не встречал. Здесь, много лет назад, продавали детям жидкость для промывки судового двигателя. Может быть поэтому, сейчас, когда среди снежных горбов и чёрных ясеневых стволов мелькнули рёбра штакетника и глаза мартышкинских фонарей мой желудок резко скрутило, и я впопыхах выскочил в тамбур, сопровождая свои действия, глубокими горловыми звуками.

Полицейские видели, как человек с шумом вышел в тамбур, им было хорошо известно, что происходит в углу железного пространства между дверями и стеной. Двое сержантов направились в мою сторону, и остановились около стеклянных дверей, внутри тёплого вагона. Я смотрел на них из тамбура, электричка закрыла двери и с лёгкой дрожью тронулась в путь.

Мне было не стыдно за свой поступок. Но колени дрожали, я боялся, что вдруг сейчас окажется, что возить спирт в канистрах запрещено, и начнутся различные административные проблемы. И для выяснения причин меня пригласят в отделение полиции. Напряжение росло с каждой секундой. Перегон между Мартышкино и платформой Университет, очень короткий, две-три минуты, и всё это время сержанты наблюдали за моими действиями.

Но страх потерять финансовую независимость, сильнее ужаса возмездия. И когда, локомотив въехал на поворот ведущей к остановке, и на торможении закрипели колёса я, забыв благоразумие, под стальным взором пары глаз, вошёл в вагон, непринуждённо взял канистру, и беспрепятственно покинул, и салон и тамбур соскочив на платформу перед самым окончанием остановки. За моей спиной, двери мгновенно закрылись, и электричка скрылась в морозной пелене.

Я оказался один, на знакомой до ностальгической боли, платформе. Слева в недрах старинного парка, располагалась усадьба Сергиевка, справа пыхла небольшая промышленная зона, и над промзоной вдали, темнели громады ПУНКа.

После небольшого замешательства, когда выяснилось, что следующая электричка в Санкт Петербург проследует, в пять часов пятьдесят минут, то есть через час, я направился в сторону студенческого городка. Дорога была хорошо известна, ведь в ПУНКЕ, в 12-м общежитии я прожил самые счастливые годы своей бледной жизни.

Там, где раньше располагалась металлобаза, приветственно мигал огнями автосервис и круглосуточный кавказский бар. С приятным ощущением я вошёл в заведение. Посетителей не было, за стойкой на высоком стуле сидел грузин, с седыми усами и бесстрастно смотрел телевизор.

– Простите – сказал я, запинаясь – у вас можно зарядить телефон? У вас есть зарядное устройство?

Грузин ничего не ответил на мои слова, он меланхолично жевал ириску и смотрел на меня в упор.

– Простите за беспокойство – сказал – Мне нужно зарядить телефон.

Грузин продолжал жевать, на его пухлых щеках, отражались сполохи от телеэкрана. Больше десяти лет назад, здесь на базе, иногда замерзала капуста, и все окрестности пропитывал сладкий запах, который легко можно было спутать с ароматом свежее испечённых булочек. Мне не нравился этот аромат, но я был вынужден им дышать, когда ждал электричку на платформе, сейчас я смотрел на цветные сполохи на жирной коже, и отвращение комом подходило к горлу.

Грузин слез со стула, пультом выключил телевизор, и ушёл на кухню. С кухни пришёл молодой низкий парень, как специально с чёрной лоснящийся шевелюрой.

– Простите! – сказал я с улыбкой – мне нужно зарядить телефон.

Парень молчал, он достал свой смартфон, и стал бойко набирать сообщения. С высоты своего роста, я видел, что он шлёт одинаковые сердечки и будильники разным контактам.

Безответно повторив свою просьбу ещё раз, я покинул заведение, двери за мной, заперли на засов.

После заминки, бодро – мороз щипал лицо и руки, я побежал в сторону университетских общежитий.

Несколько лет назад, мне было больно осознавать, что самые сладкие годы моей жизни, единственное время которое вспоминается с теплотой, будет не в будущем а в прошлом. Но после обучения, и бесславного окончания научной карьеры, счастье осталось в юности, заметная часть которой стелилась словно туман среди четырнадцатиэтажных домов Петро-дворцового учебно-научного комплекса (ПУНКа).

Но жизнь катится по спирали. Вчера, я скромно хотел найти своё счастье, покинуть Васильевский остров – преодолеть отвращение и заново ощутить вкус приевшихся любимых блюд, вкус любимых женщин, а теперь позорно отступаю, возвращаюсь, и начинаю с общежитий Биологического факультета. Видимо подошло время для очередного витка прогресса или деградации, и мне следует покориться жизненным обстоятельствам.

Конечно, воскресить удалое время невозможно, но может быть сохранились какие-нибудь его следы? Ведь в отсутствии назойливых счетов за пользования коммунальными услугами, есть возможность построить вокруг себя целый мир.

Помню, как всех парней с моего потока, до полусмерти избили курсанты МВД, и как неловко и трусливо мы разобрались в той ситуации. Помню, как однажды утром, я и сосед по комнате, направлялись на учёбу в Питер, встретили на первом этаже безобразную обнажённую бездомную. Это было обычное дело, комнаты в общежитии нелегально сдавались разному сброду.

От платформы, до общежитий дорога идёт между зданиями химического и математико-механического факультетов. Строгая, громоздкая брежневская архитектура, навевала мысли о чопорности и глупости, но это была иллюзия. На факультетах и в общежитиях всегда кипело множество умных ребят.

Как-то с одной подругой, она сейчас работает в научной библиотеке, мы ночью шли мимо Мат-меха, было прохладно и мы укутались в одеяла, на крыльцо факультета вышел охранник, и сказал по рации:

– Живых здесь нет!

Мы смеялись, это была знаковая фраза. Мне и сейчас было смешно, когда шёл мимо того самого крыльца, где возможно упустил своё счастье. Крылья воспоминаний несли меня ввысь, и я словно видел себя со стороны, с высоты пятого этажа.

Вот я, долговязый продрогший человечек, с тяжёлой белой канистрой в руках, нерешительно подхожу к бетонному забору, которым сейчас обнесены общежития. В счастливые времена, ни забора, ни охраны здесь не было. Человечку повезло, от мороза турникеты, вышли из строя, охрана скрылась в будке у компьютера, и он подтолкнул дверцу канистрой, беспрепятственно вошёл на территорию студенческого комплекса.

Ещё семь лет назад, он мог бы рассчитывать на приют у добрых, хлебосольных людей. А теперь, когда они все разъехались по стране, ему осталось лишь наедятся на чудо случайной встречи. Между корпусами сновали студенты, они равнодушно шли мимо случайного посетителя, и даже спирт, их не интересовал.

Человек подошёл к 12-шке, – старому приюту биологов. Вход в здание осуществлялся по электронным ключам, но по снегу петляла обходная тропинка. Она привела посетителя к чёрному входу на пожарную лестницу. Он беспрепятственно попал внутрь общежития, его сердце билось в приятной истоме.

Человек поднялся на тринадцатый этаж, здесь была его первая, первокурсная комната. На её дверях, он вывел своей рукой следующие строки:

Никогда не ругайте студента,
если сильно бывает он пьян
Лучше в душу ему загляните —
Вы увидите сколько в ней ран.

Я не был автором этих строчек, мне удалось удачно переделать дембельское солдатское творчество. В них не было стопроцентной правды, мы особо не мучились духовными терзаниями, души у нас были, но нас занимала наука, веселье и Белое море.

Тринадцатый этаж встретил меня теплом, тишиной, и рядами чистых одинаковых дверей. С удивлением я обнаружил, что двери кухонь открыты, и в них больше не живут бездомные, и помимо белоснежных газовых плит стоят холодильники.

Я зашёл на одну из кухонь, сел на стул, обнял батарею, закрыл глаза и замер. Тринадцать лет назад, эта кухня, условно называлась «Блокада». Тут жили два мальчика с длинными волосами и тягой к разрушению. Их гости играли на гитарах, они хором пели песни Алисы, Арии и Мельницы, девушки тут были влюблены в Горшка и иногда в друг друга, пиво брали ящиками, на чёрных сожжённых плитах тут жарили гигантские яичницы с хлебом, воздух был пропитом дымом.

Здесь рядом была комната, где жила довольно взрослая женщина, у неё над кроватью на ниточке, висела картонная пирамида. Семнадцать лет назад, с помощью этой пирамиды дополняя эпоху интернета мистикой, она общалась со всем ПУНКом. Её сосед по блоку, аспирант физического факультета, бледный лопухий мальчик, выращивал ананасы, бананы и киви. Плоды на его деревьях были маленькие и вечнозелёные.

Все обитатели, того времени, сейчас уже исчезли с этой локации.

Общежития ещё не проснулись было раннее утро, любой шорох означал человека, который шел по коридору, в направлении к лифту. Мне хотелось побыть одному, согреться, зарядить телефон, побороть стыд, самоуничтожение и вернуться домой. Но когда скрипнула дверь, и в кухню вошли несколько человек, я плотнее зажмурил глаза.

– Кефир испортился, оставь его – сказал девичий насмешливый голос – Пакет скоро взорвётся, оставь его тут.

– Может отнести в мусоропровод? – ответила другая девушка.

– Фу! Там после вчерашнего жидкий пол... – девушка недоговорила свою фразу. Они со своей подругой были чем-то заняты. Во мне проснулось любопытство, что же здесь могло произойти? Но я лишь плотнее зажмурил глаза.

– Откуда здесь берётся это? – вдруг сказала одна из девушек и мне показалось что она говорит обо мне – Если найдут авторов, то может последовать немедленное отчисление.

– Ренат этим занимается и Марк. Ребята молодцы ни одной стены не пропустили.

Девушки ушли, я открыл глаза и оглядел стены. Над столом, были приклеены предвыборные листовки, в последнее время они заполнили весь город.

На кухню зашли две китайки, увидели меня, и вышли. Мой взгляд ещё немного поблуждал по стенам, пока не остановился на пакете кефира. Пакет действительно был раздут, я взял его в руки, и открутил крышку, из горлышка вырвался белый с комочками гейзер. Он оросил мне куртку и лицо.

Я вытер щёки, и решил, что кефир находится в съедобном состоянии. Может быть, процесс развития грибков и бактерий уже начался, но у меня есть спирт, если им разбавить, то в кефире свернуться белки, микроорганизмы погибнут, и должно получиться что-то похожее на питательную жидкость. Не теряя времени, я осуществил задуманное, не сильно интересуясь результатом. Полученная бурда, могла сойти за китайскую водку.

В коридоре раздался шум, послышались резкие агрессивные звуки.

– Вот здесь! И здесь! И тут! – говорил чей-то требовательный голос – И тут тоже!

Я выглянул в коридор, в отдалении от кухни, стояла женщина в очках, с впалыми щеками и цепким взглядом. Что-то неуловимо знакомое было в её облике, видимо она здесь обитала ещё с наших времён!

– Он ещё не ушёл! – крикнула она – Он на кухне.

Повинуясь инстинкту, я схватил канистру и побежал в сторону пожарного выхода. Крики раздавались всё громче.

– Он разбил окно! И липкой гадостью нарисовал крест!

Женщина явно не ценила сон студентов. Её децибелы, перекрывали давнишний вой старухи. Я бежал вниз по скользким ступеням, и в итоге, на пятом этаже, запнулся ударился об грубую кирпичную стену, и забился в угол лестничной площадки. С верхних этажей, слышались звуки погони.

– Он побежал на верх! – сказал мягкий мужской голос – Закрой дверь и успокойся!

– Нет! – верещала женщина – Он побежал вниз! Он побежал вниз! Всецелу Вас надо учить!

Я слышал, как заперли двери и всё стихло. Спокойно, не спеша, я поплёлся вниз, в одной руке у меня была канистра, в другой кефирный пакет. На вкус полученная бурда, ничем не отличалась от обычного разбавленного водой спирта.

Около турникетов суетилась охрана. Они проверяли входящих, а за территорию ПУНКа выпускали без контроля. На Ботанической улице на остановке стоял автобус. Люди, идущие мимо меня, стремились в него попасть. Этот автобус, бесплатно вёз универсантов до ВУНКа, то есть до главного здания университета, расположенного на Васильевском острове.

Восприняв подарок судьбы как должное, я скромно, зашел в салон, и прошёл на задние места. Другие пассажиры, не обратили на меня внимания. Возможно во мне до сих пор сохра-

нился облик целеустремлённого универсанта, и я со своей канистрой и кефирным пакетом не выглядел чужаком среди местной публики.

Со скрипом, автобус тронулся с места, в нем было не больше десятка пассажиров. Я задремал, положив укутанную капюшоном голову на окно. Мои глаза были закрыты, но я отлично понимал, что происходит вокруг в салоне и на дороге. Один канал получения информации это – дрожание салона и вибрация стекла, через прислонённую голову, волны улавливается костями черепа. Другой канал – звуки, слух в такой ситуации приобретал кошачью остроту. Мне хватало информации, чтобы визуализировать ясную цветную картину окружающей реальности.

Мне хотелось общения, но я сидел уединённо и ставил эксперименты о «...чувственном существовании человека в условиях замкнутой системы автобуса». Так бывает всегда, если вы просыпаетесь ночью, и сразу, по любому, но чаще нервическому поводу начинаете пить этиловый спирт. Вы начинаете ставить эксперименты, моделировать ситуации, и по мере спиртового отравления всё чаще и чаще закрывать глаза. Любой эффект окружающего мира, будь то люди или здания будут раскрываться с виртуальной изнанки мира. И вы будете думать – сумрачно, в виде хронических волн. Вы будете думать много, очень думать. Сознательно или бессознательно это не важно. Вы будете думать до полного этилового отравления тела.

Водитель забыл включить в салоне свет, чему молча радовались все попутчики. Хотя, если прочувствовать момент, становилось понятно, что водитель специально не включил свет чтобы обрадовать своих пассажиров. Ботанический улица, по которой мы ехали, была освещена натриевыми лампами, с приятным кремовыми, оранжево-розовым свечением. В салоне, свет уличных фонарей дополнялся тусклым синим поблёскиваем дисплеев планшетов и смартфонов. Студентов среди пассажиров не было, слишком рано для начала лекций, – ехали доценты, старшие преподаватели, может быть профессора. Возможно среди них были и мои бывшие коллеги, сослуживцы, но я хоть и имел нужду в деньгах и общении, не пытался их отыскать, так как утерял навык коммуникации с мало знакомыми людьми. И болезненное чувство такта, подсказывало, что мало кто захочет, утром, по пути на работу, общаться с замерзшим, потребляющим спиртовую бурду человеком, даже если этот человек, является шапочным, университетским знакомым.

Мне конечно хотелось перекинуться ничего не значащими доброжелательными словами приветствия, и поддерживая лёгкий диалог посмеяться над суровыми погодными испытаниями, выпавшими этой зимой на наш город, но найти в автобусе второго, орошенного кислым кефиром, пьяного человека – было невозможно. Очевидно, что только я из всех присутствующих орошен кефиром, и с самого утра ел, только пропитанный спиртом снег.

Чтобы не досаждать попутчикам, и подсознательно страшась, что меня, не имеющего к университету официального отношения, высадят на обочину, я сидел тихо, сомкнув глаза, на ощупь прикладываясь к кефирному пакету.

Мужчины и женщины в теплой нарядной одежде листали новостные ленты, или обновления университетской документации, может быть кто-то читал книгу Франца Кафки «Замок», это всё мне представлялись в мельчайших подробностях: и черты лиц, и цветочные ароматы духов, и изящные броши, часы, серьги, очки, сумки. Всё было истинными, воплощением интеллектуальной сосредоточенности. Себя я представлял, то в романтическом свете, в виде не трезвого, но статного поэта, современного гусара, то в виде квелого замухрышки, уничижительно скрывающего в полумраке грязную куртку и канистру со спиртом.

Автобус остановился и открыл двери, впуская новых пассажиров, что-то еле уловимое, может быть запах или тихий звук заставили меня открыть один глаз.

За окном, во мгле, просыпался желтыми окнами, академический квартал. Это часть Старого Петергофа, где после строительства ПУНКа, поселилось множество универсантов раз-

ных возрастов. Когда я был студентом это был беспокойный район, например, тут можно было услышать музыку проекта «Елочные игрушки».

Вошли две женщины, среди них была она, та которую мне не позабыть до конца жизни. Она говорила своей спутнице:

– Вот видишь! Сели на утренний рейс, и как тут свободно, спокойной, никого нет.

Спутница отвечала ей молчанием.

Я знал ее, в счастливые времена она жила на 10-м этаже 12-го общежития, в крайней комнате. У нас долго пытались возникнуть, но не возникли нежные отношения. Случилось только волшебное преддверие отношений, то чего у меня больше никогда не было. В течение последних лет я иногда вспоминаю ее. Если бы в тот благословенный год, у нас получилось бы соединить сердца прочным союзом, то моя жизнь пошла бы прямой, освещенной солнцем взаимопочтения дорожке.

У неё было мудрое имя греческой богини, допустим Афина и её не интересовала разгульная жизнь. Философию свободы и вседозволенности она сводила к мальчишечьим комплексам. На своем этаже, она первая установила в блок железную дверь, и редко кто мог переступить через порог её комнаты. Она любила петь, вечерами гуляла в Сергиевке с подругами, и я как охрана сопровождал девушек.

Более трогательных, невинных, где каждое слово дышало свежестью и стыдом объяснений, которые произошли между нами, представить сложно. Я слабо помню слова, которые мы говорили друг-другу, но на другие, отвлеченные темы, мы могли спорить часами.

– Для себя, я один раз решила, что такое время, и больше не возвращаюсь к этому вопросу – могла сказать она – Время – это когда огонёк сознания, летит через череду статичных картинок, эта теория вполне хорошо объясняет картину мира.

Я мог что-то ответить. Помню, кроме нас, мало кто присоединялся к этим размышлениям.

– Я не могу Вас слушать – кричала Марта, соседка Афины по комнате в общежитии – Вы говорите о слишком сложных вещах!

– А о чем стоит говорить? – спрашивал я

– О любви! – без смущения кричала Марта – Я хочу говорить о любви!

«О любви», вернее о механике и техники любви, хотел говорить и я, но от стыда и смущения терял слова, и продолжал спорить «О времени».

С Афиной мы целовались один раз, не помню в щёчку или в губы, сам поцелуй стерся в моей памяти. Помню, что хотел большего, и только потом через много лет понял её слова:

– То, что я тебе разрешила целоваться, важно для меня, почувствуй тоже самое.

Я не смог почувствовать то что просила Афина. Для этого требовалось открыть своё подсознание, а я был слишком юн для таких вещей. И Слава Богу она не совершила в отношении меня жестокого насилия, пытаясь поторопить моё возмужание.

Через несколько лет, моя страстная натура, была готова выполнять мужскую работу, но вода уже остыла, и мы разошлись каждый в свою сторону.

Меня редко преследуют яркие навязчивые ведения. В юности я иногда просыпался среди ночи, в поту с повышенным сердцебиением, и с ощущением полёта в ногах и руках. Но как я понимаю, это был результат действия гормонов и быстрого роста тела. Впоследствии яркие ощущения исчезли из сознания. Но сегодня, после встречи с телесным символом былой любви, я ощутил всю прелесть свойств отравленных спиртом нейронов ЦНС.

Сквозь плотно сжатые веки, сквозь дребезжания автобусных элементов, сквозь дремлющих пассажиров, я наблюдал обнажённую, распутную Афины, которая танцевала передо мной на расстоянии вытянутой руки, и её волосы щекотали мне лоб.

Я сдержался, от желания открыть глаза и окликнуть её, и она приблизилась ко мне, ближе чем это возможно в реальном мире. Я чувствовал лёгкий запах кислый запах её феромонов,

морской аромат потных складок кожи. Она прижала моё лицо к своей белой, мягкой груди, и я ощутил мягкий сосок между губ и капельку молока на языке.

– Возвращайся домой – прошептала она, и лёгкой рукой разгладила мне волосы —Возвращайся, тебя ждут.

Невольно, я попытался, погладить рукой её лоно, но ощутил на пальцах пустоту и открыл глаза.

Автобус остановился и открыл двери, голая женщина исчезла. Афина со своей спутницей потянулись к выходу

– Доделай то, что не успела вчера – её голос не потерял нежности и ноток искренности, но был требовательным и безжалостным – давай не будем ссориться, хорошо?

Спутница отвечала ей угрюмым молчанием.

Автобус тронулся дальше, но некоторое время в окно можно было наблюдать, как среди деревьев, пастельных домов вдоль кованного металлического забора уплывает в даль – невысокая, властная дородная, но с осиной талией и, наверное, счастливая богиня. Я закрыл глаза пытаясь вновь вызвать её обнажённый образ, но увидел только смутное белое пятно, а когда открыл глаза вновь, Афина уже скрылась в ледяном пространстве питерского предместья. В этом районе, почти на берегу Финского залива, располагался завод по производству биопрепаратов на основе физиологических жидкостей коров, кур и свиней. Я посылал им своё резюме соискателя, но меня не взяли на работу, вопреки всем волнения и мольбам.

Я снова закрыл глаза и повторил попытку, насладиться её греческими формами, но не смотря на усилия, видение не приходило, что-то подсознательное, мутное, серое, мешало вернуть сладостное блаженство.

В огорчении я пил бурду, больше чем того требовал организм, и не ощущал, вкус спирта. За окном, пролетали освещённые лампами, заводы, дома, пустыри, коттеджи, Константиновский дворец, светофоры, заправочные станции. Мне приходилось шуриться, чтобы увидеть детали, свободного от солнечного светила, но подчиняющегося солнечному календарю, мира.

Дорога шла по кругу, по краю бесконечной бугристой равнины, покрытой снегом и ледяными камнями. В центре равнины чернели одетые в гранит полыньи Финского залива. По граням набережной высились покрытые сетью окон бетонные коробки. Некоторые из коробок имели название «Корабли». И над каждой коробкой, в скованном жидкой морозной вечностью, воздухе, в пирамиде света, шёл карьерный цикл обмена тел и голов, и в каждой голове, во лбу, мерцала влажная щель, а в черном небе, у самых звёзд, слышался беззвучный плотоядный, но в тоже время глубокий завораживающий смех. Так иногда смеялся мой друг, тот, кому, если бы он был жив, я бы посвятил, несколько, глав этой книги.

1.3 Побег из лабиринта

До конечной остановки автобус доехал незаметно. Возможно я задремал или произошло что-то иное, но то что мы добрались до конца, мне стало понятно, лишь тогда, когда водитель, заглушил мотор и в салоне стало тихо, словно в Саблинских пещерах.

Все другие пассажиры уже исчезли в муниципальных огнях Университетской набережной. Было странно, что меня никто вежливо не потревожил, предлагая выйти. Покидая автобус, я заглянул в кабину, но она была пуста, поблагодарить за приятную поездку, можно было только ребристый, черный руль.

Как только, я оказался около здания Филологического факультета, мой желудок скрутило по спирали, и фонтан, дурного вкуса, жидкостей, омывая гортань, носоглотку и мозжечок, извергнулся на асфальт. Извергнув тяжёлое содержимое кишечника моё тело стало легким и свежий воздух приятно прошёлся по пустым внутренностям. От вновь образовавшейся лужи шёл пар, она быстро застывала, покрываясь ледяными иголками. Своими очертанием лужа напоминала ворона, который на скале клюёт рыбу.

К остановке подъехал ещё один автобус, мимо пошли люди, многие из них с подозрением косились на канистру. Я хладнокровно, словно происходит что-то обыденное, отвернулся от дороги и внимательно смотрел в тёмные окна, бывшего Восточного факультета. В стёклах отражались огни Верховного суда Российской Федерации. Мне казалось, что возможно факультеты ночью, могут запросто оказаться обитаемы и жить своей скрытой жизнью. И сейчас, кто-то смотрит на меня, и видит, как я с большим трудом сдерживаю следующий гейзер физиологических жидкостей.

Чтобы не выдавать своих секретов, я развернулся и, резво поскакал вдоль мостовой, по направлению к Академии Наук. Около Ректорского флигеля, на углу Двенадцати коллегий мои ноги подкосились, со скрежетом покатила канистра, я упал на колени, и с упоением, позволил судорогам вновь очистить желудок. Была надежда что в темноте не заметят заблудшего человека, но рядом находился главный вход в Университет, вернее парадный вход для высшего университетского руководства. Поэтому в мгновения ока рядом со мной замаячила субтильная тень, наряженная в робу охранника.

Я долго смотрел на неё, с тем свинцовым спокойствием, с которым много лет назад, читал в комнате охраны «Сто лет одиночества», а ректорская шелупонь спрашивала моих приятелей:

– Чем Вы его накачали?

В тот день мы пили Масандровский портвейн, сегодня был испит спирт, результат оказался един, – в молчании я встал с колен, поднял канистру и гордо продолжил свой путь.

Физиологические желудочные массы, под действием мороза, стали похоже на мороженое крем-брюле, и по цвету, и по консистенции.

В руках охранника шелкнула рация:

– Первый я шестой! Первый я шестой тире Бе! – услышал я за спиной – Что мне предпринять! Первый! Я шестой тире Бе, что предпринять? Здесь живой человек!

Охранник говорил тем музыкальным, грустным, нервным голосом, который присущ потомственным универсантам. Кстати, один мой бывший собутыльник, аспирант Исторического факультета, теперь тоже работает в «Охране» впускает и выпускает с территории Университета ректорские лимузины.

– Что мне предпринять? Что мне предпринять? – продолжал вопрошать, охранник.

Есть много вариантов морально уколоть этого субтильного человека, наделённого властью. Конечно это подло, но другого способа показать своё превосходство у меня не было. Что бы сосредоточится я остановился, и уже был готов поглумиться над этим честным служа-

щим, но мой взор привлёк купол Исаакиевского собора. Он плыл над Невской линзой в морозном облаке огней.

– Кто сравнивает этот купол с женской грудью? – мелькнуло у меня в голове – не похож же.

Когда я снова сконцентрировался на охраннике он уже исчез. Других признаков обитаемости Ректорского флигеля и здания Двенадцати коллегий не было. Спали даже лампочки в кабинетах. Мне ничего не оставалось как продолжить свой путь, моё жильё находилось в пятнадцати минутах ходьбы, в закоулках Васильевского острова.

Менделеевская линия и Волховский переулок, несмотря на все старания государственных чиновников, отвечающие за досуг деятельной молодёжи, так и не обзавелась модным, известным на весь Питер заведением. Безликие кальянные и креативные пространства, словно оранжевые пятнистые вспышки, на фоне серых стен, возникают и через два-три года пропадают в вязком небытии банкротств и разочарований.

Видимо по дороге домой, я всё-таки сделал несколько глотков спирта из ледяной канистры, потому что морозное, заполненное снегом пространство вдруг, резко, словно по щелчку выключателя, преобразилось в узкое помещение с белой кафельной плиткой на стенах и прикреплённым скотчем соломенным ловцом снов.

Я спал на белой фаянсовой вазе с проточной водой на дне, упершись лбом в соломенную паутину.

– ... можно говорить только отрывисто, отрывая куски реальности или воспоминаний ... – проносилось в моей голове – ... каждый может почувствовать себя героем убить свою жизнь или чужую, иногда есть шанс убить Бога. Но порчей физического тела смерти не добиться. Пусть плачут все палачи всего мира. Они проиграли. Только уничтожение реальности, есть стоящий поступок, которым можно гордиться...

В дверь уборной постучали. Я услышал чуждые моему внутреннему голосу гортанные звуки. Несколько раз явственно прозвучало слово «Полиция». Я открыл дверь, и покинул занятое пространство. В зале украшенной рядами столов, на меня смотрели две пары черешневых, девичьих глаз. Видимо я зашел в одно из ночных заведений, и уснул в туалетной комнате.

– Туалет не работает, как этот раб сюда попал? – сказала одна милая девочка

– Рабы уроды, их будем резать! – ответила вторая.

Они говорили на восточном наречии, я не разобрал ни одного слова, но подумал, что они заигрывают со мной. Лишь когда одна из них, замахнулась на меня половой тряпкой, я счел за благо покинуть их место работы.

Васильевский остров соединён с другими районами Санкт Петербурга только циклопическими конструкциями из стали или бетона. Нева, может соединять берега только зимой, когда покрыта белым, ледяным панцирем. И это не спроста. Ведь Васильевский остров, вместо того чтобы как другие районы, принять из рук жителей цифровой прогресс, и современное искусство выбрал себе забвение.

Кто подал сию чашу острову я не знаю. Свидетели отбыли за горизонт на парохоме и лишь дали два коротких гудка на прощание. Может это был Александр Блок, а может быть Николай Гумилёв и его супруга Анна, может Питирим Сорокин, или его друг Николай Кондратьев, никто из них в последствии не остался на острове, все его покинули разными путями.

У той части острова где был приют Николая Гумилева и Питирима Сорокина, застыла гримаса отвращения, боли и надежды. Блеклые в свежей известке стены домов, даже зимой в лютый мороз готовятся встречать перелетных птиц, чтобы увидеть своих птенцов. Я не знаю кто из всех певцов серебряного века возвращается сюда, но в моей сердечной воронке, задержались эти два славных мужа.

Поэт, путешественник, умудрился в Эфиопии сфотографировать будущего императора Хайле Селассие Первого, доброволец, кавалер орденов, он жил на острове и один, и с женой. Обстоятельство расстрела неизвестны, место успокоения не найдено.

Учёный, депутат Учредительного собрания, пытался, в Яренском уезде организовать восстание против большевиков, был схвачен ЧеКа. Его спасло открытое письмо в газету «Крестьянские и рабочие думы». Похоронен в штате Массачусетс, Северная Америка, Планета Земля.

На острове в разных проулках сохранилась и чёрная булыжная мостовая и деревья-аристократы, и тупички вшивой интеллигенции с круглосуточной ветхой обстановкой. Если добавить сюда, брандмауэры, стены словно созданные для того, чтобы по ним ходить в горизонтальной плоскости вы поймёте почему, прямолинейная планировка Малого, Большого, Среднего проспектов и конечного числа линий, представляет из себя запутанный лабиринт, практически виртуального пространства. Внезапное отсоединение, от которого может вызвать длительные фантомные боли.

Мне, в моем положении, уже приходилось сталкиваться с временным отсоединением, но сделать это раз и навсегда пока что не получилось. Пока что я остановился, в преддверии переезда, осталось сделать последний твёрдый шаг.

Именно поэтому к своей парадной я подходил с рабской осторожностью, таясь в тени стен и сугробов чтобы никак не выдать своё присутствие. Дом, место где была разрушена моя семья, несколько лет был моим личным индивидуальным адом. Чтобы демоны истерик и бесчеловечной агрессии, больше не беспокоили моих дочерей, каждый раз, когда я ночью вне дома, мне необходимо предупреждать о времени моего прибытия.

Это была не пустая предосторожность. И сегодня, под сенью роскошного, спящего вяза моему взору предстала обыденная картина. Остановилась глазастая машина. Из неё вышла улыбчивая девушка и молодой человеком. Воркуя они скрылись за коричневой, железной дверью. Она улыбалась, она вообще хотела, чтобы окружающие запоминали её улыбчивой, умной девушкой. Правда я, и наши дочери, если ничего не измениться, запомнят лишь её пустые янтарные глаза и грубую, уничтожающую, унижающую брань. Я надеюсь, что, она, после окончания наших отношений, будет только улыбаться, а агрессия и психический садизм останется лишь моей тенью в её жизни.

Сейчас, пока дочери на учёбе в Мариенкифской гимназии, она и он будут счастливы. Я подхватил канистру и отправился восвояси. Нет, я мог позвонить в домофон, взять дома деньги и зарядку для смартфона. Но мне, а это было внутреннее твёрдое ощущение, в ближайшее время они не понадобятся. Деньги, конечно же привнесли бы комфорт в моё существование. Но у меня не было нужды, делать свое отравление спиртом, более комфортным, ведь это никаким образом не помогает сохранить реальность, а, следовательно, не имеет потребности быть в наличии.

Наша улица упирается в Румянцевский садик, я добрался до него и сел на лавочку. Среди деревьев мне никогда не было одиноко. Лес на Васильевском острове остался только на кладбище у самой границе ойкумены. Он был далеко, и я туда не стремился. Дикие и домашние деревья без разницы, одинаково влияют на людей. Действие человека, садовода или лесника, даже за тысячи лет упорной работы не оставила в деревянных телах никакого следа. В деревьях есть тайна. Которая периодически открывается мне. Это бывает в период наивысшего истощения, когда я не ощущаю не только свое сознание, но и свою внешность, свою кожу, свои кости и свою требуху.

Впервые на лавочку Румянцевского садика я сел больше двадцати лет назад. В то время здесь собиралась тёплая компания младших курсов Университета, Академии Художеств и некоторых уличных факультетов.

Не скрою мы встречались с определённой целью, а именно для совместного отравления организмов спиртными напитками. В антураже столетних деревьев, старинных чугунных фонтанов и оградок – белые лавочки играли роль столов, кушеток и в момент наивысшего духовного напряжения уплывали к вершинам дубов и лип как сказочные летучие корабли.

Здесь, на лавочках, я когда-то начал писать свою первую и, наверное, единственную правдивую, основанную на счастье книгу. Вторая книга, основанная на горе, была для меня спасательным кругом во время смертельной депрессии. Я не перечитывал свои книги, и видимо зря. Потому что сейчас, сидя в одиночестве, меня одолевали самые разные спрессованные в отдельные информационные блоки, но сильно разрозненные мысли.

Общего в них было только то что они родились в пределах одного тела – в пределах моего сознания и подсознания. Но топологической, или математической логике между ними не было. Словно разные участки мозга думали самостоятельно, без мостиков или проводов связи.

В нерешительности я держал в уме кончики мыслительных фраз боясь спутать их в бесвязный клубок. Мои книги были зафиксированным, твёрдым временем, на котором сейчас как на твёрдом фундаменте я мог бы построить свое взрослое, грузное миропонимание.

В последние годы вопросы личного развития меня волновали мало. Я жил по заведенному, предназначенному для поддержания платёжеспособности распорядку дня. И возможно лишь благодаря счастливому сочетанию ПУНКа и канистры мне теперь мучительно больно без себя старого, себя исчезнувшего, но зафиксированного в упорядоченных листах текстовых электронных документов.

Рядом с лавочкой, стояло целое семейство снеговиков. Это сделали мы, я и дочери неделю назад. Это была моя инициатива, мне было весело, дочурки куксились, им в тот день гулять совершенно не хотелось. Теперь я немного жалел, что мне не пришло в голову купить в магазине ведёрки и морковки, тогда бы снеговики были бы как на параде. В парке были и другие снежные фигуры, но наши были выше всех, им для счастья не хватало только элегантных головных уборов и яркого макияжа.

Хотя мои девочки, куксились в тот день, и жаловались на скуку, мне хотелось, чтобы они запомнили лепку как душевный, семейный праздник. И, я знал, что было много желающих, кто бы как я, хотел бы сейчас сидеть здесь на лавочке. Но двадцатый век, выгрыз горло и взрослым, и детям.

После Первой, Гражданской, Большевицкой, Блокады, 90-х и в парке, и на улице Репина ощущалось тепло не упоённых душ. Я налил немного спирта в горсть и посеял капли на ближайšie сугробы. Это были незамерзающие слёзы в память погибших.

Во время Великой Отечественной войны на улице Репина был морг. Нет, здесь не было больничного подвала или переоборудованного гаража, трупы складывали прямо на брусчатку, в несколько слоев. Морозы не позволяли телам разлагаться, это была вынужденная мера городских, военных властей. Тёмная, диабазная, брусчатка сохранилась до наших дней, хотя соседние улочки и проулки давно закатали в асфальтовый слой.

Из-за аутентичного покрытия на моей улице любят снимать исторические фильмы. Говорят, что в наших дворах сохранился один из последних кусочков философского Санкт-Петербурга. Местные жители не любят съёмочные дни, а к кинематографистам относятся с презрением. А кинематографисты отвечают взаимностью.

Гарантировано получая зарплату от государства, режиссёры и актёры халтурят, плюют под ноги, и согреваются коньяком. Ещё никогда, и никто, на нашей улице в качестве реквизита не использовал трупы. Даже в фильмах о Блокаде я не видел, чтобы они укладывали трупы – детей, стариков, женщин, слоями до окон вторых этажей.

А без этого, понять, что брусчатка и есть та самая «земля пухом» невозможно.

Я сделал глоток из канистры и съел кусочек снега. Это было отправной точкой принятия решения. Мне потребовалось переместиться от улицы Репина Васильевского Острова до посёлка Ульяновка в Тосненский район Ленинградской Области.

Остаться здесь, в своём пропитанном алкоголем состоянии, мне показалось не уместным. Кроме того, мне стало смешно от игры слов «Алко-Голем». На машине, предназначенный путь занимает пятьдесят минут, но мне без руля и денег в карманах, потребуется чуть больше. Это обстоятельство лишь подогревало мою решимость отправиться в путь.

Ульяновка, была мне не чужим посёлком. Там жила моя мама, там можно было встретить родного брата.

Некоторое время я рассматривал снеговиков. Они скоро исчезнут под действием солнечных золотых лучей...

В один случайный момент, я встал с лавочки и отправился на Московский вокзал. Мой пеший путь пролегал, через Благовещенский мост, Гороховую, Марата и другие улочки. Ледяной воздух вытягивал облачка пара из ртов прохожих и выхлопных труб автомобилей. Провода, опутавшие улицы, из-за физических свойств металлов скрипели и норовили порваться. Я не спешил, но шёл быстро, наполняя застывшую на морозе реальность размышлениями и воспоминаниями.

1.4 Разогревая лёд

На Благовещенском мосту, в том месте где во время разводки он рубиться на два крыла, пришлось остановиться на краткий отдых. Мороз, хоть и оставался дыханием космоса, больше не причинял мне неудобств. Тусклое зимнее солнце, едва освещало толщу воздуха, от чего сложилось впечатление, что город накрыло стеклянное небо.

– Возможно, чтобы успешно покинуть Васильевский остров мне нужно оставить здесь дань? – пролепетал я в надежде что меня услышит Исаакиевский собор, Минерва и Кунсткамера – Я могу оставить! Могу! У меня есть возможность видеть виртуальную изнанку!

Ответом мне был шелест шин, по асфальту и дым из недр Адмиралтейских верфей.

С Благовещенского моста, были видны и соседние мосты, пересекающие Неву ниже по течению. Если каждый мост, принять за самостоятельную инерционную систему, то вся общая мостовая система может быть моделью, конечно не всей, но всё же реальной вселенной, только без аттракторов и чёрных дыр. Такая модель не является бессмыслицей. Чёрные дыры, не участвовали в зарождении жизни, и, следовательно, если мы изучаем людей этим кладбищем информации можно пренебречь.

Бесконечный рой возможных, параллельных вселенных лишь обучающая выборка, позволяющая стабилизироваться реально существующей звёздной системе. Квантовые процессы, прежде чем запускаются в видимой части вселенной, естественным путём тестируются за пределами нашего возможного технического восприятия.

В нашей галактике существуют лишь стабильные квантовые процессы. Афина уверяла, что подобная иерархическая система, тестирования и последующего внедрения существует и в биологической жизни. Что наша планета лишь один из трёх миров, где жизнь эволюционно дошла до разумных форм.

Что на первой планете, жизнь погибла, и этой планетой был Марс. Что на второй планете, пройдя через многие катастрофы жизнь достигла разумного уровня, и это планета Земля. Марс был обучающей выборкой Земли. А Земля есть обучающей выборкой третьей планеты. Мы эту планету не можем видеть, как не смогли бы видеть с ещё живого Марса, Землю, но эта планета существует и её зовут Рай. И что на этой планете уже существует идеальная жизнь, в эволюционном развитии не знавшая катастроф, и что она достигла разумных, гениальных форм и что тамошние жители сильно удивятся, когда узнают, что человечество верит в жизнь после смерти, и что мы после смерти попадаем в Рай, и что их планету мы называем Раем.

Мне не суждено проверить истинность этой теории. Потому что стоя на Благовещенском мосту, я вижу только Дворцовый мост, и знаю где располагаются Биржевой и Тучков. Только с помощью одного из них можно покинуть остров. Все другие мосты – Бетанкура, ЗСД оказались тупиковой стадией развития мостостроения. Они предназначены только для ежедневного перемещения между бетонными коробками.

Существует легенда, что основным мостом, для покидания. Был мост «Сын Лейтенанта Шмидта», но он исчез, и ничто не выдаёт места его расположения. И лишь аборигены, помнят, каково это безболезненно пересекать могучую Неву.

Сделав несколько глотков жидкости, я смахнул слёзы на ледяной панцирь, и теряя возможность повернуть назад, решительно двинулся, по своему маршруту.

Площадь Труда, какое-то сосредоточие трудовой лжи и новой Голландии. Мне, даже если я напрягу всё своё воображение, будет сложно представить, чем заполнены куклы, которые заседают в расположенном здесь за забором Дворце Труда.

Куклы носят дорогие костюмы, их лимузины и джипы, припаркованы на пешеходных переходах и тротуарах. Куклы мешают пешеходам, куклы занимаются профсоюзной деятель-

ностью, куклы защищают трудящихся, они украли у честных тружеников надежду на справедливость и честную оплату труда.

Наша университетская кукла, заполненная гемолимфой усоногого рачка – Балянуса тоже обитает в коридорах этого дворца, и уже, наверное, мечет там икру. Университетская кукла, не лопнет от жира или слёз. Она ходит в спортивный зал и следит за своей фигурой. У неё ягодицы упругие как баскетбольные мячи.

Здесь в округе довольно много питейных заведений, и есть кабак на углу Новой Голландии. В этом заведении сгинула множество людей, но вы никогда не встретите здесь куклу, потому что, если посмотреть на неё сквозь стекло кружки или стопки, вы увидите пустое место.

Я спокойно миновал Дворец Труда, не проявляя агрессии ни к одному из видов существующей социальной несправедливости. Я миновал все сопряженные с Дворцом значные заведения. Хотя, наверное, даже если и пошёл их искать, то на месте рюмочно-чебуречных обнаружил бы коворкиги и нотариальные конторы.

Я оставил за спиной Манеж. Было время, когда вернисажи в этой выставочной конторе имели статус культурного события. Возможно такое положение вещей сохранилось до последних дней, так как приличные заведения всегда работают до последнего посетителя.

1.5. Тело Зимы

Если вам, в лютой, мороз, удастся своим теплом согреть лёд, то ваш труд, в масштабе вселенной, окажется ничтожно малым, виртуальным случаем. Единственным источником зимней стужи, на планете Земля, является космос и только звезда по имени Солнце, обладает возможностью растапливать льды, и делать воду жидкой. Планета хоть и способна извергать из своих недр потоки раскаленной лавы, но, как и человек, быстро устаёт и засыпает. И вновь, если это совпадает с циклами солнечной активности, покрывается панцирем ледников.

Я грел воздух с помощью паров этилового спирта. Мне довольно легко удалось пройти по Благовещенскому мосту, пересечь площадь Труда, Исаакиевскую площадь, но около Александровского парка, зима поцеловала мне руки, пальчики ног, лизнула щеки и кончик носа. Я изменил свой маршрут и вместо Невского проспекта направился по Гороховой улице. Мой энтузиазм, сменился нервной горячкой, я даже не шёл, а бежал запыхавшись, и не глядя на прохожих. И чуть не поплатился за свою «слепоту». Около обочины стоял автобус с нарисованной на борту Божьей коровкой. Я чуть не снёс пассажиров этого автобуса, активных школьников, под управлением слегка безумного учителя. Мне пришлось врезаться в Коровку и только таким образом избежать столкновение.

Эмиль Григорьевич Удодов, учитель истории, неодобрительно смотрел мне вслед, когда я дёрнул бегом дальше.

На мосту через канал Грибоедова, горячка прошла, чтобы отдохнуть, мне взбрело в голову спуститься по ступеням к ледяной толще, поставил канистру, сесть на неё верхом, и сжать руки, чтобы отогреть их горловым дыханием.

Канал промёрз до дна, и превратился в испещрённую трещинами и лощинами ледяную глыбу. Лёд из-за вмёрзших пузырьков воздуха был матового цвета, чем-то напоминая каменное молоко. Если возникнет необходимость разглядеть дно, то бесполезно смотреть сквозь лёд. Потребуется заглянуть в трещины, среди них наверняка есть та, через которую проглядывается весь донный сор: камни, или, обломки металлоконструкций.

Глядя на замысловатый рисунок, составленный трещинами и трещинками мне вспомнились строки " ... И повторится все, как встарь: Ночь ледяная рябь канала ...". Интересно, что имел в виду Александр Александрович, под словами «ледяная рябь», – остывающие тёмные волны, когда вода действительно кажется ледяной, или уже замёрзшую, застывшую водную гладь, с ледяными барашками повторяющую волны.

Или может быть ночью, в свете газовых фонарей, даже ровный как стол, ледяной пласт, рябит в свете газовых фонарей? Повторяя колебания язычков горящего газа в потоках раскалённого воздуха?

Мне показалось, что Александр, имел в виду дрожание пламени. Огонь может танцевать и яркими сполохами бросать сквозь закопчённые фонарные стёкла, замысловатые повторяющие движение волн тени. Сейчас, в окрестностях канала Грибоедова, газовых фонарей больше нет. Но возможно если смотреть в молочную испещрённую поверхность глыбы, то там помешится застывшее время, а в нём виртуальные газовые огоньки.

За движение времени на планете Земля, за смену дня и ночи, вопреки выкладкам астрофизиков, тоже отвечает Солнце. Солнце работает циклично, формируя, как правильно заметил Николай Кондратьев, «большие циклы конъюнктуры», и возможно канал Грибоедова, превращённый в глыбу, лишь следствие временного безвременья, период смены цикла. И вскоре, через несколько дней, когда Солнце, вернётся к нам в город, глыба, развалится на части, и будет рябить не только в свете газовых, но и под действием обычных натриевых фонарей.

Я отпил из канистры, съел сосульку, и решил двигаться дальше. Уже без энтузиазма, но и без горячки, не спеша, ступать в сторону Московского вокзала. Выбирая путь, полагаясь

не на знание плана местности, а на интуицию. Спешить мне не куда, если даже заплутаю, возможно это и к лучшему.

Когда я прошёл довольно значительное расстояние, то резко оглянулся, люди похожие на поэтов Серебряного века, стояли около чугунной решётки и о чём-то горячо спорили. Я прокрался назад, и услышал лишь часть их диалога.

– ... люди живут, игнорируя поэтические законы! – говорил один с кудрявыми бакенбардами на красном лице – Головной мозг, подчиняется вернее воспринимает высшую музыку рифм, но живёт по другим – спиралевидным законам экономики!

– Поэзия лечит душу! – отвечал ему гладколицый, с веснушками, мужчина лет сорока.

– И пускай! Но через определённые промежутки времени население послушно идёт на войну и умирает за жёлтый металл в банковской ячейке! Или за серое вещество в ячейке костной!

Кудрявый, был явно распалён спором, но его товарищ выглядел умиротворённо.

– Всё вокруг ячея – сказал он – Окна тоже ячея, – ячея рыбацкой, кирпичной сети.

Я предложил ребятам спирта, но они никак не среагировали на моё предложение, продолжая свой, созвучный с моим внутренним, разговор. Я расстроился и пошёл своей дорогой.

Может быть они, через несколько минут напишут стихотворение, о том, как ледяная рябь канала, под влиянием Солнца, пройдя все перипетии двадцатого века, превратилась в ледяную глыбу.

Александр, успел, застал и двадцатый век и эту глыбу, но ему по душе была рябь, наверное, поэтому он не разглядел этот ледник в центре города. Но вам господа, побрезговавшим спиртом, придётся написать об этом, и причём только хорошие стихи...

За моей спиной, остался маленький лабиринт проулков, я удачно пересёк Фонтанку, и свернув около бронзовых жеребцов, направился по широкой людной улице, которая называется Невский проспект. Здесь было столько машин и пешеходов, что влажное дыхание, лёгких и моторов осело на проводах в виде белоснежной бахромы инея.

Я шёл по прямой. Меня не трогал мороз, меня не трогали фантомы жестокого времени. Забылась революция, голод, террор, блокада, смертельный голод, смертельный мороз, в моей голове беспрестанно крутилось: «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Крутилось, но не доходило до «ледяная рябь канала» а прерывалось ледяной глыбой. Ледяной глыбой, сквозь которую можно увидеть весь двадцатый век. Который не пришёл умирать на Васильевский остров, и теперь, позволяет мне, нести канистру спирта, и лихорадочно уходить из реальности в толщу молочных камней.

Заледенелый узкий тротуар, и толчея людей, способствует зрительному контакту. Большинство лиц проскальзывавших на уровне моих плеч, несли маску бледной замёрзшей кожи со сосредоточенным, отстранённым от тротуара и зимы, янтарным блеском глаз. В масс-медиа крутят штамп о хмурых русских лицах, но мне среди этих колючих фарфоровых лиц было комфортно и тепло.

Московский вокзал равнодушно встречал и провожал пассажиров. На Площади Восстания, где-то в районе крыш, среди цветных реклам, блеклым светом была подсвечена надпись: «Ленинград город Герой». Эта надпись была подсвечена детством ребят из последних поколений Советского Союза. На пешеходных переходах толпы людей и машин боролись за право передвигаться в горизонтальной плоскости. Белый дым, из маленьких и больших труб не растворялся в ледяном воздухе, а накрывал застывшую землю холодным туманом.

Я вошёл в арку и оказался во внутреннем вокзальном дворе.

Целый класс школьников, по-видимому пятиклассников устроили толчею около киоска с мягким мороженым, сопровождающая их учительница, с ужасом смотрела на своих подопечных, меховую оторочку её капюшона покрывал иней.

Рядом с ними стояла, красивая как павлины, эффектная пара – мужчина средних лет и девушка.

Мужчина был одет, в соболиный полушубок. Между сияющими всеми оттенками платины мехами, проблёскивали вставки золотой вышивки. Узор, прошитый блестящими нитями, повторял хохломскую роспись. Девушка ёжилась в белую, тоже меховую, итальянскую накидку. Судя по загару, покрывшим их обветренные лица, они прибыли из Нью-Йорка или Бостона.

– Я буду всё! Да я буду всё! – смеялся мужчина, обращаясь к невидимому собеседнику – Ты помнишь, как на меня подействовало то, шампанское? Помнишь? Я ничего не помню. Совсем ничего.

– Джон! – проговорила девушка под шалью – Ты был прекрасен!

– И это тоже приготовь! Ну всё пока! – продолжал мужчина – Габриель мы скоро прилетим в твой гарем! Готовься! Чао!

Когда мужчина перестал говорить, девушка к нему прильнула, и я явно услышал, как она прошептала:

– Джон, я хочу мороженое!

Джон оглядел суету школьников, поцеловал сою пассию и ответил: – конечно!

Внезапно мне показалось, что судьба, ведёт меня на встречу к счастью, и достаточно уловить течение жизни и поплыть по нему разбавляя кровь спиртом как в итоге меня будет ждать настоящее приключение.

Немного таясь, я глотнул спирта и занюхал его рукавом. Мне снова захотелось кого ни будь угостить. Но Джон со спутницей растворились в безликой толпе, а дети, были счастливы поедая застывший молочный крем со следами ягодного сиропа.

На мгновение, у меня появилось сомнение, стоит ли покидать Питер, ради призрачной надежды на приключение. Но возвращаться обратно на Васильевский Остров было горше, и я поплыл по незримой людской реке.

Турникет я прошёл, без билета, надёжным способом – тараном. Таранил я канистрой, особо не скрываясь, если бы меня в тот момент, задержала полиция, то я бы воспринял это как счастливый поворот и прошёл вслед за ними.

Но полиция, не обратило ни на меня, ни на пищащий турникет должного внимания. Я беспрепятственно дошёл до электрички «Санкт-Петербург – Шапки», и сел в вагон, около окна.

– Джон береги спутницу – думал я – С ней можно пройти любой лабиринт, покинуть любой остров.

Вагон задрожал. Уже через десять минут, я почувствовал теплое место под своим сиденьем. Убаюканный согревающим дыханием вагона, я задремал.

На одной из станций, напротив меня сел молодой парень. У него было напряжённое фаянсовое лицо, и напряжённые узкие плечи. Весь он, нескладно дёргался, в такт музыке. Источники вдохновения были наушники, плотно обнимавшие его облезлые уши.

Мне больше не удалось задремать, и я стал смотреть в окно. Мимо пролетали прямоугольные дома с рядами тёплых от электрического света окон. Машины проносились по улицам, и согласно направлению, смотрели на электричку или яркими фарами, или грустными красными фонарями.

Деревья, черными скелетами, застыли в объятиях ледяных лат, ветер едва ли шевелил кончики веточек. В городе вдоль железнодорожных путей, ещё остались дикие деревья, которые самостоятельно прошли путь от семечка до гигантской информационной системы. На фоне электрического освящения мостовых и рекламных баннеров вереницы чёрных, деревянных тел казались скорбными границами между железной дорогой и городом. Все мы знаем, что скорбной цвет он белый. Но воспринимая чужую культуру мы решили сделать скорбным черный.

Многие люди думают, что кусты и деревья зимой спят, почти в летаргическом сне, но меня не обманешь. Зимой деревья бодрствуют, а весной, когда рвутся почки и появляются свежие листья и цветы замирают и отключаются. Все лето дерево как автомат, круглосуточно делает бестолковую, но нужную для жизнедеятельности работу. Гоняет по флоэме и ксилеме, воду и микроэлементы, накапливает в клейкоцитах крахмал, дрессирует нейронную сеть микориз и растит, лелеет и ухаживает за бесчисленными как песчинки в земле, семенами. Осенью, когда бледнеет солнце, желтые листья, выполняют свою последнюю функцию – срываются с ветвей и парят вниз, чтобы укрыть корни и напитать почву перегноем, дерево просыпается, озирается, и где-то в недрах ксилемы запускает обработку полученной за время размножения информации.

К декабрю, когда последний бит информации изучен, и отправлен на хранение в клеточную стенку, деревья срываются в яркий, цветной, завораживающий, похожий на оргию танец. Танцуют все деревья, они кружатся, за пределами своих деревянных тел в вихре информационных кварков сохраняя для мира историю жизни.

Каждый зелёный организм, связан между собой и физически – через корни микоризой, через листья газообразными гормонами, и ментально при помощи электромагнитных полей и летучих эфирных масел. Устьица и корневые волоски, это «глаза и уши» биосферы планеты Земля.

Бескрайний луг или лесное море это слитый в единое виртуальное облако массив информации. Биты сохраняются в годовых кольцах, – это не тайна, про это пишут в школьных учебниках. Их легко увидеть, достаточно подойти к дереву с циркулярной пилой.

Школьников учат извлекать из спилов информацию об активности Солнца, она действительно очень подробная. Но в них записано, и кое-что ещё, а именно летопись развития всей жизни на планете. Но только люди, не имеют нужды в её прочтении.

Двери вагона скрипнули, появился охранник и две – женщины контролера, пассажиры послушно достали билеты.

У меня билета не было, я взял канистру, сделал маленький глоток спирта и притворился спящим. Общение с контролёрами я ожидал с нетерпением. Весь день я провёл в разговоре с самим собой, и мне был необходим любой диалог с любым посторонним человеком на любую тему. Моё ожидание затянулось, но глаза я не открывал, поддавшись в слух.

Через несколько минут, мне удалось разобрать что слушает молодой человек с фаянсовым лицом. И хотя он использовал наушники я улавливаю какофонию звуков, из которых с лёгкостью вычленил целые слова и словосочетания.

Музыка – это язык богов, поэзия – досужая болтовня ангелов. Но молодой человек предпочитал обсценную лексику и супербасы.

– Дети должны слушать рэп! – вдруг сказал ласковый, холёный голос. И мне показалось что это говорит будущий президент России- Дети должны слушать рэп. Это искусство превращает людей в стадо. Государству выгодно чтобы дети были стадом

– Что Вы говорите – воскликнула интервьюер, женщина лет сорока. Похожая на бульдога, но с копной ядовитого пеньюара – Что Вы говорите, дети это святое!

– Государству выгодней править стадом, это товар. И чем раньше человек становится товаром, тем лучше.

– Дети это святое!

– Ваше лицемерие и ханжество не является аргументом в нашем споре.

– Дети это святое! – женщина служила, пресс-секретарём у предыдущих президентов, и поэтому привыкла повторять одни и те же фразы.

Я понимал, что диалог двух людей, это всего лишь видение, вызванное отравлением этиловым спиртом. Но мне нравилось за ним наблюдать, и слушать настоящие человеческие слова.

– Государству требуется стадо – сказал президент – Я рад что предыдущие власти оставили мне послушный народ, которому к счастью наплевать на себя и своё будущее. Я очень рад что мои предшественники, уловили колебание мировой конъюнктуры, и пользуясь низменными потребностями людей, смогли убедить из отказаться от собственных детей.

Журналистка выпучила глаза и с бараньим упорством смотрела в камеру: – Дети это святое! – сказала она.

– Ваши слова – это эталон! Дети это святое! Лицемерие это святое! Ханжество это святое! Тщеславие это святое! С такими словами мы увеличим продажи. Единственно что такие старые бренды как: «вундеркинды», «эрудиты», «дети-индиго», «наше будущее», «новое поколение» – уже устарели. Нужно вводить новые. Как вы думаете, под каким брендом, дети лучше пойдут в продажу? Концепция бренда должна быть такова, чтобы родителям было удобно делать вид, будто они ничего не понимают.

– Я-то здесь причём? – воскликнула журналист – Это всё они! Я занималась другими делам.

– Своим примером Вы вдохновляли людей игнорировать воспитание детей.

– Дети это святое!

– Дети это святое – сказал президент – Вы сделали всё что могли. Благодаря вам, мы лидеры в мире по искалеченным детским судьбам. Такой ребёнок с лёгкостью забывает о своей Родине, что и является завершением сделки при продаже. В связи с этим я предлагаю вам и всем присутствующим мычать и хлопать в ладоши.

Видение сфокусировалось таким образом, словно это трансляция на синем экране. Послушались аплодисменты и радостный смех. Видимо рядом с будущим президентом находилась приглашенная публика.

Журналист вращала выпученными глазами стараясь скривить сопутствующую ситуации мину на лице.

– Вы тоже мычите и хлопайте в ладоши! – обратился президент к своей собеседнице.

– Я? – журналистка вздрогнула

– Вы – президент обворожительно улыбался – вы показали пример пренебрежения к детям. Теперь покажите пример мычания.

– Я не буду! – взвизгнула женщина

– Почему? – президент искренне удивился – Вы вместе с моим предшественником создали конвейер по переработке детей в социологическую продукцию, эти аплодисменты благодарность вам, за работу.

У журналистки в глазном яблоке лопнул сосуд, но в следствии бесконечных пластических операций она не почувствовала боль. На её фальшивых щеках и гуттаперчевых губах играл подкрашенных румянец.

– Вы съели собственных детей – резко сказал президент – Вы были примером для подражания. Многие россиянки последовали за вами и потеряли человеческий облик.

– Вы лжете – пафосно воскликнула фальшивая женщина – Мой сын, Фёдор, он работает...

– В министерстве образования – прервал её президент – Это народ дал ему работу, от Вас Фёдор Леонович мечтал получить совсем другое.

– Он получил всё о чём мечтал!

– Он мечтал о братьях и сестрах.

Женщина растерялась её лицо словно первым заморозком дернулось сеточкой предвестников морщин

– Он мечтал о братишках, а вы делали аборт – президент говорил обворожительно словно актёр – сколько аборт вы сделали?

Женщина молчала. Её настоящие морщины пробились сквозь пластмассу, и пронзили щеки и уголки губ, она физически не могла говорить.

– Вы по примеру собственной матери, как и она делали аборт – президент потерял интерес к своей собеседнице и смотрел прямо в камеру – В вашей семье все женщины делали аборт. Если вам вдруг стало грустно, и вам нужно сделать вид что ничего ужасного не произошло, и вы ничего не понимаете, тихонько кивните в экран, я вам помогу, подскажу что делать.

Журналист кивнула.

– Лицемерия и ханжество – прошептал президент – лицемерие и ханжество. Дети это святое.

Журналист, пресс-секретарь бывшего президента, мать замминистра образования, захлопала в ладоши и что есть мочи, вытянув губы трубочкой протяжно заверещала:

– Му-у! Му-у!

Президент снял пиджак и остался в украшенной мезенскими узорами жилетке. В руках у него блеснула рапира. Ей он уколол меня в колено, и я очнулся.

На самом деле никто, никого не колот рапирой. Это я во сне неловко пошевелил затёкшей ногой и меня разбудил нитчатый мышечный спазм. Мне понадобилось время чтобы сориентироваться во времени и пространстве.

Электричка, стуча колёсами неслась сквозь тёмное, студёное пространство. За окном пролетели залитые светом новые Кресты. Самая большая в Европе тюрьма. Парень с наушниками исчез, исчезла какофония звуков, испарились контролёры билетов только дрожание стёкол будоражили полупустой вагон. Глотнув спирта я жалостливо с чувством вины прошептал:

– Лучше вы меня заразите СПИДом, лучше я сам кончу самоубийством, лучше я сам буду стадом и буду по команде мычать и хрюкать, хоть на английском, хоть на китайском, хоть на Си ++, только не трогайте моих дочек.

Из моих глаз текли слезы, когда мы прибыли в Саблино я был уже готов встать на колени перед президентом или любым другом представителя власти и целовать им пальцы на ногах лишь бы они спасли оставленных и забытых моих дочерей.

Саблино встретило и проводило электричку тусклым и холодным светом фонарей. Солнце давно скрылось за горизонтом. С моста я видел, как медленно, но не отвратимо электрическая гусеница с окнами по бокам так же скрылась в тёмном лесу.

Слезы всё ещё текли из глаз, поэтому я скрывал лицо от редких, равнодушных попутчиков.

Меня тошнило, я не сдерживал желудок, справедливо считая, что так лучше для здоровья. Вкус выходящих из горла жидкостей, был мне незнаком. Но спросить, что это такое, – жидкое, желтоватое, идёт из горла как фонтан было не у кого. В Саблино нет подобного типа специалистов или гурманов.

Мороз, я не чувствовал. Только блеск кристалликов снега, да хруст ледяного наста под ногами, показывал, что температура далеко ниже – 25 °С.

Посёлок был заботливо укрыт чёрным звёздным небом, а запах печного дыма лишь добавлял уюта наступавшему со всех сторон духовному блаженству.

На автобусной остановке, где я оказался после моста, находилось не более десяти человек. Меня продолжало тошнить, я стоял в стороне от света в тени магазина.

Вдруг одна из женщин бросила на снег бумажку, обертку от пирога, и продолжила как ни в чем не бывало беседовать со своими спутниками. Её пристыдили, но не активно, слишком мирно, и бумажка продолжила лежать на своём месте.

Некоторое время я смотрел на эту бумажку, а потом подошел к ней, и с обличающей речью, поднял и бросил её в урну.

– Я убираю твою грязь туда где будет гнить твой труп! – мой голос был похож на рёв бешеного ежа. Он был писклявый и бессвязный. Люди верят такому блаженному голосу, я

это знал, и этим пользовался – Будет твой труп среди падали гнить, а в глазах поселяться мухи. А во рту поселяться черви. Бумажку с твоей едой, взад уже не вернуть, и не съесть вспять каравай. Впрочем, у тебя есть выбор кто будет гнить. Можешь обойтись малой долей!

Мои слова задели присутствующих, женщина в ужасе, ладошкой прикрыла свои губы. Словно в лихорадке я схватил канистру и ринулся в темноту. К дому мне приспичило двигаться пешком.

Произведённого эффекта мне было мало, мне захотелось ещё сильнее ужалить запуганную женщину, или любую другую жертву, на которое укажет молчаливое общество – Не отдавайте свои вещи чужим людям – кричал я уже из темноты – Чужие люди знают, что можно сделать с личной вещью, особенно если это бумага, и содержит ваш пот и слюну. Присмотритесь к этой урне, привыкайте думать о ней!

Это было опрометчивое решение, бросить такси и ринуться пешком. Если бы меня повезло такси, то дома безусловно нашлись бы деньги для оплаты. Или зарядка для смартфона, открывавшая почти безграничный банковский кредит. Таксисты в Саблино добродушные, можно было договориться, например, ещё и заехать в магазин за снедью.

Но было поздно что-то менять, упорно, словно мой путь лежал в чудесную страну, я шёл, не разбирая дороги, стремясь сократить путь, срезая по летним тропинкам, которые теперь скрывались под сугробами.

Бесконечная масса студеного воздуха, мириады незамутненных солнечным светом звёзд и созвездий, чёрная невесомость вакуума всё говорило об одном – закончился солнечный годовой цикл, а следующий не успел начаться. И пускай это всего лишь определённый этап раскрутки спирального тысячелетнего календаря, в эти дни солнце не может растопить даже самую хрупкую снежинку и, следовательно, не имеет власти.

Память человека, работает отлично, чаще без сбоев, да так эффективно что даже сложно понять: принципы по которой храниться информация в нашем теле, принципы по которой информация обрабатывается в нашем подсознании и принципы по которой обработанная информация вкидывается в сознание. И человек такой бьёт себя ладонью по лбу, и декламирует стихи Александра Блока. Нет! Я пошутил, он восклицает:

– Ты ты ти! Ты ты ти! Нам с тобою по пути! Тыква, угорь и сморчок, прыгай с полу на крючок!

– Ты ты ти! Ты ты ти! Нам с тобою по пути! В тыкве, угорь, на крючок нанизал второй сморчок.

Он декламирует громко, с выражением, а ему отвечают.

– Молодой человек, Вы уже перетянули своё время, вам давно пора закончить презентацию!

И он в ужасе осознаёт себя находящемся в обширном зале, среди пузатых, застёгнутых на все пуговицы людей.

Сходите поплачьте – говорят ему – Сходите! У нас замечательная дамская комната, для плача и стенаний самое идеальное место. Поплачьте, а потом возвращайтесь мы Вас ждём!

И человек идёт в дамскую комнату, и его там встречают: тёмные стены, биде, фаянсовая ваза, раковина, фен, и нежные, мягкие с душистой отдушкой салфетки.

И он знает, что когда придётся высморкаться, то салфетки, кроме густых слёз, вытянут из его ноздрей, остатки социального ужаса, и он вернётся в зал заседаний, обновлённый, солидный, что-нибудь пошутит, чтобы успокоить людей, и закончит свою презентацию так, как и было задумано.

И никто не узнает, что в этот день в нем умирает бунтарь, что он ломает свое сердце, и становится чиновником. И что он готов служить начальствующим в «Отделе защиты городской среды» – Министерства природных ресурсов.

Моя память работает, так же, по стандартной модели. Когда я оказываюсь в чужеродном окружении, она предоставляет картинки, с аналогичными ситуациями из прошлого. Возможно это когда-нибудь спасёт мне жизнь.

А пока, моя кровь отправлена алкоголем, мне вся жизнь видится в виде ниточки, на которую нанизаны одинаковые бусины, и каждая бусина, это законченная бытовая ситуация. Сегодня бытовую ситуацию, я могу разбить на более мелкие бусины: глоток, внутренний разговор, глотки, глотки, беспмятство, холодная вода, яркий свет, пробуждение, осмысливание, ожидание возможного возмездия или возможной награды.

Сегодня мне кажется, что все эти бусины, закручены в спираль и тянутся к небу, подчиняясь циклам Кондратьева, закономерностям Сорокина из прошлого в будущее. Но я отравлен, и мне не сформулировать те важные детали, из которых выходит знание почему Питирим и Николай дарят надежду и интеллектуальное тепло о моем будущем и будущем всей нашей, хлопнутой пыльным мешком гражданской войны и международной торговли цивилизации.

Вместо социологических подчинённых влиянию Солнца выкладок мне вспоминаются стихи, и не Николая Гумилева, он офицер монархист, достанет пистолет и пристрелит меня как подзаборную кикимору, мне вспоминается Александр Блок.

Ледяная глыба. Ледяная глыба. Ту ты та! Ту ты та!

1.6. На крючок

Где-то в глубине души, мне хотелось найти приключение, изменить судьбу, и завтра проснуться счастливым. Но я шёл по выбранному направлению и не делал физических попыток свернуть в сторону. То, что меня ждёт дома: радость собаки, ворчание матери, телевизионные слова протекающие сквозь деревянные стены, – всё было знакомо, повторялось десятки раз, и никогда не приносило душевного облегчения. А здесь, пока я в дороге, под тёмным, почти чёрным небом, покрытом мириадами мерцающих звёзд, может произойти всё что угодно, всё то, что становится материальным сначала во сне, а потом наяву.

Небо, позвало пойти меня пешком, и давало надежду на скорейшее чудо. Небо в Санкт Петербурге, расчерченное прожекторами, телебашней, небоскрёбом, заводскими трубами словно грязное фонарное стекло, не привлекает к себе внимание, оно проигрывает в глубине невским волнам, невской мелкой ряби, мостам и огням отражение которых, невская мелкая рябь размножает до бесконечности.

Здесь в Саблино, небо было настолько близким, прозрачным, ярким что мне захотелось сфотографироваться с ним. Сделать селфи я и небо.

Селфи, себяшечка, как считала одна моя знакомая по имени Суламифь, может быть и степенью трагического одиночества, и признаком абсолютной самодостаточности личности. Я не видел ни одной её себяшечки, в любой точке земного шара, в разных, даже в соблазнительных ситуациях, она маниакально просила себя сфотографировать, обращалась за помощью исключительно к милovidным девушкам. Она смущала их знойным взглядом, случайными прикосновениями и запахом тмина. Ей нравилось смотреть, как легкое воздушное создание в ответ щурит глаз над объективом, и застенчиво хмурит лобик. От Суламифь ни одной фотографии, не утекло в сеть, возможно она их и не сохраняла, ей изображения были не нужны, скорее она любила играть и смущать невинных незнакомок.

С большим трудом я нашел свой телефон, в промерзшем кармане он превратился в сосульку. Мне потребовалось довольно значительное время, и такое драгоценное телесное тепло, чтобы отогреть эту черную коробочку, и понять, что телефон безнадежно разряжен.

В бешенстве я бросил телефон в сугроб и издал нечленораздельный звериный крик, вой раненого ежа. После первого крика, я продолжал кричать, уже в восхищении, в восхищении от самого себя. Мне льстило, что где-то внутри сердца, я еще могу ощущать эмоции, не отравленные спиртом.

В это мгновение, я всплыл над сугробом, над замерзшими канавами, устремился ввысь бросив в снежной бездне свое сгубленное тело, канистру, столбы и электрические провода, а потом сделав глоток спирта с ледяным, рабским хладнокровием пополз в поисках, неразумно брошенного, телефона.

Пока я ковырялся в снежной пелене в моей голове, мелкими язвами, мелькали вопросы:

– Почему утром, когда я был еще в безопасности, мне не пришло в голову позвонить близким людям?

– Почему, я не нашел таксиста, и не поехал, туда, где мне были бы рады?

– Где мои ключи?

– Где мой дом?

– Где мой настоящий дом?

– Настоящий? Такое разве бывает?

Телефон, самостоятельно вынырнул из снежного моря и юркнул мне в руки. Не придавая этому значения, после очередного, маленького глотка жизненной эссенции, я вышел на правильную, утрамбованную машинами и людьми дорогу и бодро, с улыбкой на лице, направился к своему тихому приюту.

До этого я шел по сугробам вдоль линии, фонарей, и не видел, что за фонарями, параллельно моему пути, шла расчищенная, замечательная дорога. Мне бы следовало выйти на нее ранее, чтобы спасти ноги от обморожения, чтобы не тратить драгоценное тепло на борьбу со стужей, нельзя было медлить ожидая волшебство.

Ведь волшебство произошло уже на этой твёрдой дороге, моему упрямству, и моему везению, можно было позавидовать. Мне было тепло, мне было весело, весь мир утопал в снегу, а я летел поверх него. Мне ласково, лаяли вслед собаки, канистра неслась выше головы почти как воздушный шар, а душа уже чувствовала свою вторую половинку, с которой вскоре мне предстояло встретиться.

Правда ощущение эйфории прошло, когда я подходил к дому, мой отравленный спиртом мозг уже не контролировал тело. Я беспрестанно ронял канистру, и спотыкаясь падал навзничь. Иногда я не нёс эту бедную канистру, а толкал её носком ботинка, и она с шумом, с кручением словно камень в кёрлинге, неслась по ледяным поверхностям.

Когда среди деревьев и заборов, мелькнули жёлтые окна дома, моё сознание окончательно отключилось, и я начал действовать как подсказывали инстинкты. Себя я видел со стороны в следующем положении:

Человек в растрёпанной одежде, не смог справиться с шеколдой калитки и перелез в палисадник через забор. Канистру, от также зашвырнул через забор, и сразу про неё забыл. Потом он направился в уличный туалет, но по пути прислонился к ёлке, росшей на участке. Взгляд его зацепился за скирду гниющей, или как говорят в деревнях «горевшей» соломы.

Гниение – это процесс который провоцируют маленькие грибки и бактерии. Когда они разлагают целлюлозу выделяется тепло. Стебли сухой травы почти полностью состоят из целлюлозы, забавно что сухие деревянные поленья тоже в большом количестве содержат целлюлозу. Но когда гниют деревья, они в отличии от копны сена почти не нагреваются, процесс идёт слишком медленно. Когда гниёт трава, процесс идёт так бурно, словно действительно она горит, и выделяется много тепла.

Человек, бережно раздвинул соломенные прядки и полез в центр скирды, раздвигая своим телом маленькую норку, в которой ему стало хорошо и уютно. Он закрыл глаза и словно потерял сознание, в его теле всё ещё по сосудам текла тёплая кровь, он двигался, но кожа уже потеряла чувствительность, и не реагировал на уколы соломенных шипов.

Гнилая солома теплотой и влажностью, напоминает живое человеческое тело, я по-видимому инстинктивно вжался в теплую массу, словно в слизистую плаценты, в моём подсознании еще мелькали обрубки бесконечных замороженных улиц, а тело напитывалась природным теплом, испытывало приятные ощущения что-то на подобии, истомы плотской любви, послевкусия после семяизвержения. Я не чувствовал рук и ног, и счастливо парил в невесомой, соломенной колкой темноте.

Интересно есть ли такое видео, как без эрекции и семяизвержения, человек испытывает оргазм, в теплой от гниения травы, массе? Будет ли кому интересно такое видео?

Наверное, такое же ощущение невесомости испытывают северные охотники, когда греются в распоротом брюхе кита или моржа. Более того у них ощущения конечно же острее, ведь они пьют не спирт, а свежую кровь. Кроме того, в брюхе млекопитающих, в кровоточащих лёгких, в печени, в селезёнке растворены гормоны, подходящие человеку. Человек в кровавой мясной ванне впитывает эти гормоны, и испытывает ощущения, не связанные с жалостью или злостью, они другого порядка.

Интересно, городские жители, обитатели бетонных коробок, ценители тёплых батарей и ковров испытают ли они возбуждение если увидят видео, как самоед скидывает унты, меховую малицу и голышом ныряет в требуху, в кишки в разрезанное сердце?

Наверняка свежие кишки кашалота пахнут наподобие тайского рыбного соуса или японской суши-столовой, и видео вызовет не сексуальное, а гастрономическое возбуждение. От просмотра такого видео у многих разыграется аппетит.

Вторая глава. Физиологическая память и физиологические жидкости

2.1. Любитель

Запах гнилой травы вызвал во мне уже давно забытое чувство тошноты. И мне захотелось кричать, кричать так сильно, как я уже когда-то кричал на Луку:

– Лака! Ты заморыш! Ты заморыш!

– Антип не говори так – мямлил Лука – Ты не прав.

Но я был прав. Я всегда был прав, Лука не мог со мной спорить, мне было жалко его, кроме меня никто не мог ему объяснить – что к чему и как делаются дела, на этой огромной голубой планете полной людей и денег.

Не знаю точно, как я относился бы к Луке, если бы моё тело, физически продолжило функционировать. Но оно смято, раскучено, раздавлено, и представляет собой высохшую лепёшку из засохшей крови и раздробленных костей. В данный момент я заперт и между шершавыми плитами известняка в одной из Саблинских пещер, и не имею связи ни с кем из своих прежних друзей, кроме Луки. И именно с ним я веду свой монолог.

И это не удивительно, мы познакомились с Лукой ещё в раннем детстве, я помню его раньше, чем себя, и всегда он бесил своим поведением. Он вынуждал меня его бить, воспитывать и наказывать. «Заморыш» самое безобидное прозвище какое я ему дал, в последнее время всё чаще вместо его имени «Лука» в моём сознании проносится слово «Лака». Со стороны, мне кажется это слово Луке подходит больше чем настоящие имя, и, наверное, он сам себя так тоже называет.

Помню в детском садике мы с Лукой всегда были вместе. Лука видимо позднее других перестал страдать недержанием мочи. В отличии от всех нас в тихий час он беззаботно спал, и пока мы, скрываясь от нянечек втихомолку общались и кривлялись под одеялами, получая начальные социальные навыки, он видел яркие абстрактные сны.

После пробуждения, когда все мы вскакивали с кроватей и застывая постели готовились к полднику, многие дети, в предвкушении веселья, всматривались в пижаму Луки. Представьте себе он не мог послушаться родителей и каждый день надевал пижаму. Это была бежевая в синий цветочек курточка и штанишки.

И вот когда вслед за всеми, только по-настоящему сладко потягиваясь Лука, просыпался и приводил постель в порядок, внимание детей было приковано к его пижаме, к тому месту где сходятся ноги. Были в нашей группе две смелые девчушки они подбегали к Луке со стороны спины и трогали его между ног и если там было сыро, то наперегонки бежали за нянечкой. Он в этот момент растерянно осматривался, было понятно, что Лука хочет скрыть свой маленький недостаток, но не знает, как это сделать. Его лицо, напоминало лицо куклы, которая ищет свою маму. Растрёпанные волосики, залитые густой розовой краской щёки, небесные глаза – в этот момент я его ненавидел. Это была первая ненависть, которая проснулась в моей жизни.

Мы учились в разных школах. Пока я получал грамоты на олимпиадах, писал музыку и тексты для поющих трусов, получил медаль «За спасение утопающих» и медаль «За отвагу на пожаре» Лука ходил в ничем не примечательную школу, третий по уровню успеваемости из трёх возможных в параллели, «В» класс.

В первых классах Лука плакал и краснел чаще чем требуется для успокоения и сравнительно сносной жизни для мальчика его возраста. Класс за классом он запаздывал с ответом на социальные запросы своего окружения, и почему-то, когда что-то не понимал или чего-то боялся то рассчитывал на доброту и сочувствие своих ровесников.

Помню с каким недоумением Лука смотрел на своих хохочущих одноклассников. Он стоял у доски руки и брюки у него были в растворителе, но дети смеялись не над этим. Дети привыкли к неудобному маркеру, который тёр в ладонях, к скрипящей доске, к химической

губке. У Луки одна из брючин случайно заправилась в носок и топоричилась над кроссовкой словно парус на дубоносной лодке.

Лука видел этот парус, он видел брючину, заправленную в носок, но не придавал этому событию какого-либо значения. Ему брючина и носок казались вещью, над которой невозможно смеяться. Лака не понимал, что дети не просто так сообщают смеются над ним и его брюками, дети таким образом социализируются, и его личный социальный статус, если подобные ситуации будут повторяться в будущем, будет обдывать носки и щекотать пятки. Лака не задумывался о таких, как ему казалось мелочах, о таких малозначащих вещах. Он вообще не думал о вещах, которые явно не могут улучшить или ухудшить его наивное воздушное миропонимание.

Стоя у доски он реагировал на смех детей глупым молчанием, устало молчала учительница, жестоко молчали родители, когда утром собирали Луку в школу, и только дубоносая лодка, под всеми парусами набирала ход, и вот-вот на ней должен был быть поднят красный флаг. Шли годы, сохли реки и болота, плотина резала залив, а парус только лишь более умело научился ловить ветра и лавировать вокруг пальцев ног.

В благословенное время, когда все мальчишки в классе Луки, вдруг в один день, резко стали следить за белизной своих кроссовок, он всё ещё играл в животных и представлял себя то птенчиком, то белочкой или ещё кем ни будь нежным и пушистым. Пока ребята, во время перемен, толпились в туалете у раковины смывая со своей обуви малейшее пятнышки и черточки, Лука разбежавшись, рыбкой нырял на паркет и скользил на животе по свежей мастике, испытывая неземное удовольствие. Его не останавливали; ни бесконечная домашняя ругань матери, ни весёлое презрение друзей которое он путал с дружбой, ни равнодушие учителей. Лука не считал жирные пятна на своей одежде грязью, он был уверен, что эти невзрачные пятна если кто и заметит, то не посчитает чем-то требующим внимания и мнения.

Кстати забавно то, что за настоящую грязь и грязные пятна Лука считал только глину или сапрпель. И глина, и сапрпель являются горными породами, и я в настоящий момент, влачу свое призрачное существование в подземелье, в окружении, горных пород, в какой-то мере и силос, и гнилая трава, запах которой бесконечно усиливается в моем убежище тоже являются молодыми горными породами.

И кстати под землёй всегда отсутствуют запахи, и сегодня, когда появился запах гнилой травы мне показалось что это галлюцинация. Галлюцинации обычное дело в пещерах. Такое бывает, когда отсутствует какой ни будь стимул раздражения органов чувств – зрения, осязания, обоняния, тактильных пятен. Если стимул отсутствует достаточно долго, то центральная нервная система человека начинает продуцировать его самостоятельно. В головном мозге появляются звуки, запахи, световые и тактильные явления. Бывают световые, звуковые, тактильные и очень редко обонятельные галлюцинации.

Не надо думать, что я только ненавижу Луку и мы не имели общих интересов. Наши отношения были конечно странными, но взаимными. Он со мной дружил, его дружба была детской, верной, горячей. Я его считал рабом, он всегда выполнял все мои просьбы и ничего не требовал взамен. Для меня его добровольное рабство было существенным шагом к взрослению, я даже искренне уважал Луку за его помощь в моем развитии. Недавно я заметил, что почти все взрослые люди являются добровольными, бесхитростными рабами.

Общим нашим детским интересом были Пионеры, члены советской школьной организации. В фойе школы, где учился Лака, сохранились ветхие, выцветшие цветные фотографии где ребята в праздничной форме, с торжественными красными галстуками счастливо искренне улыбались нам, своему, будущему и видимо были уверены, что мы ими гордимся. Красный галстук был для нас с Лукой символом гордости, героизма и счастья. Мы тогда ещё не знали, что и красный галстук, и жёлтая, вредная для здоровья мастика, которой натирали полы в школе,

и маркер с ядовитым растворителем и блеклая классная доска всё это давала нам государство. То самое государство, граждане которой приветствовали геноцид детей на своей земле.

Кстати рабом Лука был плохим. Он, не предугадывая мои желания, а ожидал устную просьбу. Он эмоционально был глух к чужим людям и мог ощущать только свои желания, это самая запущенная степень эгоизма. И он только в 9-м классе, в мае, на последнем уроке Родной Литературы смог увидеть своё уродство. Уродство – вызванное эгоизмом.

Было дано домашнее задание выучить и рассказать перед классом свое любимое стихотворение. Лака вызвался отвечать первым: с плутоватой улыбкой, ухмыляясь он продекламировал стихотворение Маршака. Наверное, это были похожие на эти строки:

Я видел облако в штанах,
Жирафу в брюках на сносках,
Крестом сошедшиеся крыши,
Котов, которых ловят мыши.
Я видел точку, ка и су,
Что пироги пекли в лесу,
Как медвежонок прутик мерил
И как дурак всему поверил!

Основным достоинством этого стихотворения было, то что оно короткое, легко запоминается, и вроде бы содержит слово «Дурак». Лака считал это слово смешным, он думал, что его Лаку посчитают остроумным и весёлым, ему будет уготована роль всеобщего друга. Понятие «популярный» Лука-заморыш тогда ещё не знал. Его одноклассницы и одноклассники вдохновенно, с блестящими глазами читали стихи и поэмы Михаила Лермонтова, Александра Блока, Бродского. Лака лишь слегка поразился выбору своих друзей, и может быть впервые в жизни, ещё неосознанно понял, что представляют собой другие люди. Пройдут годы прежде чем сердце заморыша согреется огнём настоящей поэзии. Вроде бы он даже возненавидит направленный липкой патокой постмодернизм, и его будет тошнить от коктейля – юмора, жестокости, выделений красных гусениц и равнодушия.

Впрочем, мне всё равно, что теперь твориться в голове заморыша. Моё сознание ютится в окружении твёрдых известковых плоскостей, острых углов и бугристых шишковидных кальцитовых наростов. Здесь тихо и темно, просветы между плоскостями заполнены воздухом, и стандартное, привычное для людей пространство представляет собой небольшой, довольно примитивный лабиринт. Где-то недалеко от моего местонахождения имеется выход на поверхность, пока что, ничто не побудило меня направиться к выходу.

Сложно сказать в каком состоянии сейчас находится моё тело, я не ощущаю ни ног, ни рук, а в те моменты, когда отступает тьма мне не удаётся увидеть себя со стороны. В своих мыслях я уже не называю себя по имени, это нелепо. Для себя я не «Антип», я «Фантом». Ни в коем случае я не являюсь призраком или привидением, потому что приведение – это когда что-то привиделось или показалось, но привидеться или показаться самому себе, я не мог, этого не было, всё моё существо отвергает такую возможность.

Твёрдое окружение, я осязаю внутренним чувством, словно на ощупь и этого достаточно чтобы ни о чём внешнем не волноваться.

В разных закоулках подземного лабиринта сквозь плоскости пород проникает родниковая вода и слышатся мерные звуки падающих капель. Я избегаю подобных мест. Капли долбят нижнюю плоскость, которую условно можно называть полом.

Ожидаемо, что в местах падения капель должны появиться твёрдые образования, натечные формы растворенных в подземной воде минералов, которые называются сталагмиты. Но минерализации не происходит, в моём подземелье вместо сталагмитов образуются водо-

бойные ямки и лужицы с хрустальной, ключевой, ледяной водой. Температуру я могу ощущать, но на абстрактном уровне. И мороз, и пекло, для меня лишь различное состояние мёртвой природы.

Но ни лужи отгоняют меня из тех мест, а звонкое эхо падения капель и следующий за ним всплеск. Каждый точечный звонкий звук словно укол острозаточенного карандаша в висок, физически напоминает мне о существовании времени. Меня пугает, когда время олицетворяется чем-то физическим, осязаемым, неизбежным.

Неизбежное тиканье часов, неважно что за часовой механизм и где он находится, на руке в виде драгоценного браслета или внутри черепной коробки, в первую очередь это симптом депрессии. «Тик-так, тик – так, тик-так» – это самая страшная пытка, которая может произойти с сознанием человека.

Под землёй в полной тишине и темноте бесконечное: «Кап, кап, кап, кап, кап», чётко осознаётся как математически выверенный ряд звуков, сходящийся в точке совершенной гармонии, которую человек ощущает только один раз в жизни. Чем человек старше, тем эта точка для него тяжелее, тем она горячее и тем глубже, – в толщи костей, в толще тьмы инстинктов она скрыта от разума и души. Человеку всегда рано достигать этой точки, миг достижения приходит не вовремя и не кстати.

В моём сознании, определение протяжённости времени вызывало фантомные боли, до тех пор, пока я не научился мерить время длительностью раскручивания мыслей и яркостью последующего духовного озарения. «Озарение» стоит понимать в прямом смысле этого слова. Когда я вспоминаю любовные ощущения или в моменты интеллектуального вдохновения в пещере вспыхивает настоящий, состоящий из невесомых фотонов, свет. И я вижу окружающие меня горные породы настоящим, человеческим цветным зрением. Частота озарений и есть пригодное для существования время.

В лучах света я вижу слои стерильного белого песка, прослойки нежных глин и кишачие членистоногими и головоногими окаменелостями слои грубого известняка.

При желании, скорее всего я смогу просочиться сквозь стены, и, например, для разнообразия, начать существование в твёрдой толще, но до сегодняшнего дня, я ещё не осуществил ни одной попытки проверить эту свою способность. Понятие скука мне не доступно. Тихое, тёмное окружение меня вполне устраивает, и я могу так просуществовать тысячи лет, прямо как наскальные рисунки в пещере Шульган Таш. Правда раньше в пещере не было запахов, а теперь с каждой минутой усиливается отвратительный аромат гнилой травы.

В детстве, твёрдые комки земли назывались – камешками, валунами, скалами, сейчас, после смерти, я использую другие названия. Когда я счастлив мне спокойно и хорошо твёрдые поверхности становятся – горными или скальными породами. Когда я возбужден то камни и горные породы это – кости земли.

Мне до сих пор не ясна связь между сильными чувствами и светом. Например, когда я вспоминаю Афину, девушку Луки из ПУНКа, их прогулки в парке Сергиевка их нежное, при ярких ноябрьских звёздах, объяснение в любви, в пещере всегда становится светло. Один лишь мой полет мысли и вспыхивает яркое словно майское солнце свечение. Но мне не понятно откуда берётся энергия, для бесчисленного количества фотонов? Ведь их излучение позволяет разглядеть мельчайшие песчинки и прослойки глины в окружающих песчаниках, аргиллитах и известняках. Энергии требуется много, и эта энергия возникает, когда я вспоминаю ту или иную девушку Луки и анализирую их отношения. Но не только по этим причинам.

Лака был глупеньким, слабеньким ухажёром. Афина, к сожалению, я забыл, как она выглядит, имела опыт в философствовании, и для неё прогулки в парке с Заморышем, нежные объяснения, поцелуи, были пустой тратой времени. Ей, известной со всеми постыдными подробностями, книжной философии, требовалась исследовать не эмпирические романтические искорки, а постыдные подробности тела и свойства гормонов удовольствия.

Лака это ребёнок, который искал в ней свою философскую маму. Он хотел прижаться к трепетной от волнения груди, сосать эмоциональное молоко и уснуть с чистыми подгузниками, спеленавшими пах. Если бы я был Лукой, то сосал бы не молоко, а кровь, и не ртом, а всеми частями своего тела.

И, это самое главное, я убеждён, что я именно сосал кровь. Причём у всех подруг Заморыша. Ведь всё о чём я думаю, происходило в реальности, все мои мысли материальны. Я отвергаю любую возможность небытия своих мыслей и действий. Мне, не удалось вспомнить облик Афины, или той другой девушки, лишь, потому – что она была лишь молодой самкой, и знать её имя или образ мне было необязательно.

В первые минуты наших отношений, от боли и восторга она расцарапала мне спину и шею, эти царапины, этот рисунок намного надёжней врежется в память чем тысячи чувственных слов. Её узкое место напоило меня физиологической влагой, той влагой, которую она берегла, и которой ей так не хватало, чтобы удовлетворить все мои желания. Прошли годы, теперь, при всём моём умственном напряжении, я не могу визуализировать «узкое место» и «физиологическую жидкость».

И если к «узкому месту» я давно равнодушен, то стоит мне попытаться представить этот таинственный предмет «физиологическая жидкость», как пещере вспыхивает яркий свет золотого цвета.

Я не могу визуализировать и другие таинственные предметы: репродуктивные органы, молочные железы, ягодицы, язык, эрогенная зона, влажные телесные полости, страсть, оргазм, беременность, роды, дети. Но судя по интенсивности пещерного света, во время вспышек, основную роль в механике любви, занимает самый вожеленный мой предмет, цель моего существования – «физиологическая жидкость».

Без неё не происходит удовлетворения желаний, невозможно воспарить в чёрный, скрытый от солнца космос, и не познать наивысшее наслаждение, гарантированное человеку – свободу от страстей, свободу от календаря, и самую свободную свободу – свободу от границ человеческого социума.

Физиологическая жидкость выделяется во влажных полостях тела женщины, в тех полостях которыми женщина открыта внешнему миру. Выделение начинается в состоянии, когда подсознание женщины, преодолевает барьер сознания, и начинает руководить телом. В результате, неизвестных мне манипуляций, тело начинает продуцировать эндорфины, и влага заполняет укромные, узкие места.

Заморыш, всегда был одинок. Следовательно, женщины после общения с ним, не выделяли достаточное количество жидкости, и не могли взлететь за пределы социума, в космос, прочь от влияния Солнца.

Со мной всё было иначе. И Афина, и Арина, и Марта, и Суламифь, и все другие девушки выделяли достаточное количество жидкости, словно ведьмы, перед сожжением посаженные на кол:

– Лака, Лака не обижай нас – шептали они – Мы сделаем всё что ты захочешь!

И я раздвигал складки, проникал во все узкие места в самое влажное логово организма полость где сосредоточена душа.

Мне не доступно знание, процесса проникновения, он разнообразный и стандарта не имеет. И жидкость бывает разного рода, и тело пускает в себя в разных местах, но Заморыш недостоин ни одного пути. У нет желания, уйти от Солнца и поэтому он ничтожен.

Меня бы хватило на всех его женщин, вернее меня хватило на всех его женщин. Их тела были влажные, как подошвы улиток, их души были закрыты от внешнего мира перламутровыми раковинами, а полостями они были обращены только ко мне.

Они присосались и весели на моём теле, позволяя, заманивая меня в себя, и я присутствовал одновременно во всех их полостях.

Мы парили в космосе так высоко и так далеко, что, оторвавшись от одного социума, создали своё микросообщество. Где я был в центре, а женщины, на орбитах. Нет более плотного, плотского, сильного физического взаимодействия.

Я не знаю, что такое простыня, но откинувшись на простынях я любовался игрой света на перламутре. Нежные раковины, подошвы, реснички, язычки следили за движением моей души, и выделяли физиологическую жидкость по первому желанию, по первому мановению моей неутомимой нужды.

Эндорфины, должны выделяться, после каждого отношения между мужчиной и женщиной. Именно так можно обмануть природу, и вырваться за пределы, очерченные инстинктами и социумом.

И я, моё реальное существование в пещере, в режиме реального времени, есть естественное доказательство возможности преодоления влияния конъюнктуры и власти социума.

И всё благодаря, моему бывшему телу и физиологической жидкости.

Вспыхнул свет. Вкупе с ароматом гнилой травы он породил странное явление, которое я до этого в пещере не наблюдал.

Горные породы досыта напитались фотонами света, и под действием удушающих испарений разлагаемой микроорганизмами соломы потеряли мутность и грубость в фактуре поверхности.

Каждый слой горных пород, сам по себе и в сообществе с другими, более молодыми или более древними слоями оживали и являли мне свою историю, спрессованную во времени.

Я видел эволюцию горных пород на планете земля. Я видел эволюцию живых организмов на планете земля. Я видел раскрутки и закрутки гигантских спиралей катастроф и оледенений. Песчаники и известняки сохранили в себе основные настройки разрушения океанов и материков, но я не видел никаких информационных следов или настроек на создания новых кусков суши, или водных впадин взамен разрушенных.

Саблинские горные породы, сохранили не всю историю земли, целые периоды были вычеркнуты неодолимыми, скрытыми силами, но то что я увидел, заставило меня дрожать, «почти от ужаса» и «почти от страха»

В голубой кембрийской глине, раздавался зов древнего вулкана, и в моём присутствии оживали древние инфузории и корненожки. В кембрийском, белом кварцевом песчанике, бродили шторма, древнего полярного океана и парили невесомые создания, напоминавшие медуз и гребневиков. Я видел прозрачные щупальца, кончики которых несли ядовитые крючки и присоски. В оболочке, ордовикском красном песчанике, между живых трубочек ползали животные, которые несли на своих телах блестящие фиолетовые раковины. Вода кипела от приближения чуждой гравитационной волны. В слоях известняка царил буйство донных, морских животных. Нежные губки ощерились спикулами, защищаясь от морских ежей и многощетинковых червей. Ожили трилобиты, грозные членистоногие животные, были вооружены клешнями и хитиновыми шипами. Мельтешение членистых ножек, усиков, скрежет коготков, скрип трескавшихся раковин привлекали моё внимание, как аквариум привлекает маленьких детей.

Но осознание того, что оживают камни, что каждый камень, каждый слой горной породы несёт в себе следы древней жизни. Что буквально оживают животные исчезнувшие с лица земли, сотни миллионов лет назад, вызывало страх. Я чувствовал дрожь, не мышечную, не кожную, не дрожь земли, дрожала моя душа. К сожалению, я не знаю, как ощущает человек своё сердце, Заморыш не обращал внимания на свой кровавый насосик, но, наверное, это что-то сродни ощущению духовного дрожания.

Возможно пришло время покинуть пещеру и выйти в мир где царствуют солнечные лучи.

Но это сложное решение. Прежде мне надо успокоиться. Погасить свет, и подождать следующую вспышку. Возможно в темноте горные породы потеряют прозрачность, древние

животные вновь станут окаменелостями, и всё вернётся в начальную точку моего здесь появления. И вновь появится возможность существовать вне тела, в весьма сносных тихих условиях.

Я сделал попытку, отстраниться от происходящего, и задуматься о чём-то отстранённом не несущим эмоциональную окраску. Об «ошибке выжившего» или об странном сочетании вселенских математических констант.

Мои усилия прошли даром. В независимости от моей воли. Свет, существовал по принципу цепной реакции. Древние животные уже не просто существовали в рамках соответствующих периоду слое породы, но и вели активную, подчинённую интеллекту деятельность.

К запаху гнилой травы, добавились ароматы скисших водорослей, сероводород, метан и вулканический аммиак. В толщине известняков, около моего местонахождения скопились уродливые головоногие моллюски орто-циротосы. Их наполненные разумом глаза, различали мой силуэт, и готовы были высосать всю мою жизненную энергию.

Перед угрозой полного исчезновения в мантиях древних предков кальмаров, я направился, в направлении, где орто-циротосы не смогут меня преследовать. Я направился к выходу, для меня наступил временной отрезок, когда мне предстоит вновь увидеть поверхность планеты, деревья, кусты и облака.

Моя сущность, за счёт ненависти к Луке, накопила достаточно энергии, чтобы не высохнуть, не испариться, и не раствориться или иным способом исчезнуть в окружающей среде. Теперь мне есть чем гордиться, и я смело шёл на встречу с неизвестностью.

2.2 Много имён

Вход в мою пещеру, был заботливо укрыт массивными стволами чёрной ольхи, сучьями, ветошью и занесён снегом. Укрытие было сделано с учётом того, что по нему могут ходить и располагаться на отдых люди. Но если незнающий человек, шёл по сучьям, он был уверен, что идёт по пропитанному грунтовыми водами сугробу, и что это место точно не является удачной

Такие же маскировочные укрытия имеют, все, кроме Штанов, Жемчужной и Помойки протяженные местные пещеры. Это искусственное препятствие ограничивает посещаемость подземных галерей.

Немногие знают кто и зачем укрыл подземный мир Саблино. Также немногие знают, что большинство Саблинских пещер до сих пор не нанесено на карты.

В 1944 году, в январе, когда освобождали Ульяновку (так официально называется Саблино), большинство этих ещё царского времени, старинных выработок было взорвано. Местные жители, почти моментально забыли о существовании пещер. Для них старинные подземные выработки песчаника, это не требующая внимания, изучения и сохранения ерунда.

Отсутствие реальных знаний, местные компенсируют убогими сказками: дескать пещеры, идут до Питера или до Никольского порохового завода; дескать в пещерах жили монахи, дескать воевали партизаны, гномы добывали золото, а тролли изумруды.

Впрочем, туристов вполне устраивают более чем примитивные былины. Они довольствуются малым. Например, зачем знать, что какие-то российские горные рабочие называли хозяина шахты Шубиным. Что звали его Шубиным, потому что он ходил без одежды, а волосы покрывали его тело аки шуба. Ведь есть же французское слово «Гном», есть мультипликационный образ старичка с белой бородой и красным колпачком, а более знать – это уж увольте. Мы не для этого стояли в пробке на Московском шоссе.

Так как местные жители, принципиально оставляют в пещерах мусор, то спелеологи, когда заново открывают заброшенные выработки, маскируют их на местности. И нахождения пещер держат в тайне. Все пещеры в Саблино описаны спелеологами, и только они пытаются их сохранить.

Пещеру в которой находился я, открыли ребята из Колпино, Ижорские спелеологи. Лака, тоже бывал в этом подземелье – Ижорские были его друзьями. Мне кажется они могли сойтись только на почве любви к алкоголю. Не могу представить другой причины дружить с Заморышем.

Я попал в эту пещеру, когда искал архив Императорского госбанка, мне удалось открыть исторические тайны Саблинских подземелий, о которых не догадывались даже спелеологи из Ленинграда и Москвы. Во время гражданской войны здесь оказались бумаги, по которым можно отследить и получить всё золото Романовых, а это к слову четверть всего общего богатства Российского народа. Но мне золото не нужно я искал историю своего древнего рода ведущие начало от древних князей, жрецов, богов, волков и медведей.

Вскоре я вновь вернусь в это подземелье. Ароматы гнилой соломы не будут вечно отравлять пещерный воздух и горные породы. Не то, чтобы я волновался или, испытывал сомнения, когда выходил на поверхность, но пещеру я покидал первый раз в жизни, и не собирался покидать её на длительный срок.

Мне с лёгкостью удалось просочиться сквозь ветки и сугробы и оказаться на свежем воздухе. Разница с пещерным воздухом полностью отсутствовала. Ничего не изменилось. Я впервые в жизни увидел звёзды, луну и снег. Рядом в глубине поросшего кустистым вязом и ольхой каньона текла река Тосно. На той стороне реки располагался посёлок Ульяновка, на этой крошечная деревенька Пустынька.

Большинство людей забывает, что это настоящее чудо, когда открываешь глаза и видишь цветное изображение. Человек верит в чудеса только в начале пути, когда всё новое, когда ещё нет повторений времён года, и нет повторений дней недели. У младенцев зрение настраивается постепенно, но всё равно это череда магии и очарования. Поэтому дети верят в волшебство. Для них волшебство – и небо, и луна, и деревья, и фонари, которые освещают Графский мост, и берег реки Тосна, и машины, и ребристые заборы, и дома.

В первые мгновения анализируя поверхность земли я был поражен простором и глубиной неба. В пещере я и помыслить не мог, что такое поверхность и какие идеальные фрактальные фигуры составляют из себя снежинки и деревья. Заморыш, скорее всего сошел бы с ума, окажись он нам моём месте. Вернее, так – Заморыш сошёл с ума, оказавшись на моём месте. И что бы не потерять ориентацию в пространстве, он снова, возможно навечно бы забился в свою норку.

Меня страх и безумие не коснётся, это исключено. Я сильный духом человек. За свою жизнь, мне удалось честно заслужить несколько медалей, и три боевых ордена. Меня не свели с ума жуткие бойни на полях горячих войн, разве теперь меня сможет испугать лунный свет, который отражается от снежного наста? Я единственный кто спасся во время испытания роботизированной подводно-летающей лодки, разве теперь меня может вогнать в панику вид чёрного дыма из печных труб?

Формально меня окружала сфера из разнообразных объектов, я знал название этих объектов и быстро смирился с их фактическим существованием.

Бездонное небо, рогатые тёмные кусты, пушистая скатерть снега – моя зона комфорта теперь простирается куда дальше узких замкнутых пространств подземелья. Среди всего мира, меня неволит только аромат, гниющей соломы. Мне необходимо забыть о существовании этого запаха, и так как впервые я его почувствовал в пещере, то мне необходимо временно покинуть местность где находится пещера, и постараться не потерять дорогу обратно.

В Пустыньке есть конюшня на которой живёт табун разномастных лошадей. Летом гривастые шалуны и шалуньи пасутся на большом кочковатом поле. Жеребята резвятся своей компанией, где-то в районе трех одичавших яблонь. Они скачут высоко задирая задние ноги, хватают друг друга за гривы и хвосты, гоняют, а иногда ловят и едят бабочек – капустниц. И замирают лишь тогда, когда, в середине поля два жеребца, встают на дыбы, кусаются и бьются копытами. Иногда конюхи отгоняют жеребцов в отдельные стойла. Смутьяны успокаиваются и часами с грустью в глазах смотрят на кобылиц. Кобылицы предпочитают находится около яслей и поилки. Лягаются они редко, копыта используют чтобы чесаться и отгонять слепней. Совместно с кобылами пасутся пони, они не отделяют себя от больших лошадей, и так же ревниво смотрят по сторонам и считают часы до дневной порции яблок и моркови.

Я никогда не видел лошадей. Да мне хорошо известны слова: мерин, конь, рысак, жеребец, подкова, грива, конский волос. Но я не знаю, чем пахнут лошади, как ветер развивает гриву, как кобылы кормят жеребят, и мне во что бы то ни стало захотелось увидеть и пощупать этих животных.

Зимой, во время суровых морозов, лошадки живут под крышей за кирпичными стенами, но это не является для меня препятствием. Подгоняемый незнакомым, волнительным, чувством я направился в сторону конюшен.

Чем дальше позади меня оказывалась пещера, тем быстрее затухал аромат силоса, и тем быстрее моё существо возвращалось в состояние покоя. И я постепенно понимал, что, если я увижу лошадей, то смогу уйти в безвременную блаженную сонливость, и именно сон, длительный, глубокий сон-без сновидений мне теперь необходим. До этого момента я ещё ни разу, по настоящему не спал.

Сегодня я впервые в жизни увидел снег, звезды, луну, но только лошади волновали моё сознание и притягивали к себе как магнит. Во мне зрело предчувствие. Что стоит мне увидеть

лошадей, то моё спящее возбуждение проснётся, достигнет пика, получит удовлетворение и я, потратив все чувства смогу отключиться от эфира и уснуть.

Около конюшни меня должен ждать запах подстилки и пахучие лошадиные яблоки. Но я не думаю, что это будет препятствием для осуществления цели моего существования.

Среди прочих зданий, конюшня представляла собой вытянутый барак с покатою крышей. Из окон лошадиного приюта, светил пучками и падал на снег жёлтыми квадратами электрический свет. Излучение ионизированного благородного газа, легко проходило сквозь аморфный силикат. Интересно, что белый кварцевый песчаник, это тоже аморфный силикат и из него плавят стекло.

Когда я едва, дотянулся до рам, и уже почувствовал холод прозрачного полотна, моё существование потеряло способность двигаться. Более того вопреки воли и желания меня потянуло назад. Запах гнилой соломы не хотел меня отпускать он приобрёл надо мной власть и возвращал обратно под землю.

Словно, меня связали рыбацкими нитями, и кто-то сворачивал невидимую катушку, возвращая меня обратно. Я не привык подчиняться чужой воле, но не имея собственного тела, не мог противиться и вырваться из пут.

На мгновение мне показалось, что до меня достали щупальца орто-циротосов, но я отмёл эту идею, отведя ей место в пустом множестве.

И был прав, определённо в условиях арктического сухого холода склизкие руки, покрытые присосками действовать не могут. На меня накинута гнилостный запах, и теперь тащил к своему источнику. Я не знаю, какую структуру, представляет из себя запах, какие молекулы являются носителями информации о запахе, и как эту информацию стереть. Мне осталось подчиниться и плыть по течению времени ожидая что окружающая меня картинка сменится на другую.

Почему-то чем дальше меня относил от конюшни, тем я более ясно осознавал, что если бы я проник в конюшню, то не уснул бы в забвении спокойного сна, а просто, как это обычно бывает – неожиданно – умер. Информация обо мне стерлась бы ещё до восхода солнца. Меня бы никто не почувствовал. И причиной смерти, был бы запах стойла, запах лошадиной подстилки. Всё своё движение по направлению к конюшне, каждый новый метр, моя структура ослабевала и разрушалась.

Я не боюсь смерти – это аксиома. Но я испугался взглянуть смерти в глаза. И послушно шёл, постепенно разрушаясь к жёлтым окнам, загнав анализ ситуации во вдруг открывшееся подсознание. И делал вид что ничего не происходит.

Самообман по поводу смерти, был моим первым уроком на поверхности. Я хорошо усвоил получение знания. И теперь равнодушно наблюдал за траекторией своего движения. Ожидая в конце её встретить источник запаха прелого силоса.

– Кстати меня влечёт не в пещеру! Ха-ха! Это весело! Я двигаюсь мимо!

Меня увели из Пустыньки, затащили вниз каньона до покрытой льдом реки и понесло надо льдом вверх по течению.

Если бы было светло я бы хорошо рассмотрел лёд, сковавший Тосну. На что он похож? Чем он пронизан? Как отблескивают ледяные буруны в свете газовых фонарей? Но Солнце отсутствовало, а в мерцании серповидной луны и звёзд, лёд казался тёмно-синей массой, и любая информация о его структуре была недоступна.

Берега Тосны покрывали заросли ольхи, черёмухи, орешника и вяза. Я проскочил сквозь развалин фабрики Эггерса, бухты которую Лака называл «Плавник», бухты которую Лака называл «Удачная», мимо «Гончарки», «Шучьи». Около развалин плотины, меня понесло вверх, на косогор, и далее по полю к скирде гнилой соломы.

Моя сущность не препятствовала происходящему. И в момент перед встречей, я вспомнил один момент, за который могу Луку уважать, не как раба, а как равного себе человека. Мы

оба выплескивали агрессию, на футбольном стадионе, активно болея за чемпионов страны. Правда я не помню, как проходят футбольные матчи и что такое мяч. Но я знаю природу и устройство энергии командного духа сотен тысяч болельщиков. Мы были там с Лукой, и были одной командой.

Это важное воспоминание! Информацию, об стадионе требуется сохранить. Я попытался определить её в ячейку памяти, но мне это не удалось. Ячейки памяти отсутствовали. Они растворились в морозном воздухе и потеряли со мной связь. Моя структура продолжала разрушаться, энергия испарялась, морозный воздух поглощал кусочки систем движения, систем зрения, блоки интеллекта и памяти. Я без следа исчезал в прозрачной оболочке планеты Земля. И этот процесс мог остановиться только после влияния из вне. Внутренних ресурсов для сохранения своего существования у меня не было оставалось надеется на влияние из вне.

Любая система переживает момент времени, после которого она начинает разрушаться. Можно разрушаться, и разрушением создавать, давать развитие новой системе. Можно разрушаться, и своим разрушением дать развитие уже существующим окружающим системам. Можно разрушаясь разрушить и себя другие, посторонние системы. Моим желанием был только один сценарий развития ситуации. Моё существование должно сохраниться, и никоим образом не влиять на никакие посторонние процессы.

Я первым обнаружил Заморыша. Он так и остался рассеянным малышом, погруженным в свои грёзы. Моё присутствие, никоим образом не прервало его занятий. Он сидел на скирде гнилой соломы и смотрел в небо. Он был без одежд, его печальное прозрачное лицо и бледное худое тело просвечивало насквозь. Лишь некоторые участки тела – губы, нос, внутренние органы, ступни ног, колени, локти, кисти рук, плечи, шея, глаза сохраняли мутную, бледную, телесную плотность. И только один малый участок груди, в том месте где в неё входит шея был кроваво-красным, тёплым, человеческим, живым.

Возможная встреча с Заморышем должна была произойти в другой обстановке. В зарытом месте. Где должны были быть чёрные стены и белое пространство между ними. Только при таком окружении, когда нет, любых, приводящих меня в бешенство факторов наше общение может пройти на равных. Без оскорблений с моей стороны, и без рабской улыбки и смятения с его.

Но произошло то, что и должно было быть, в том месте, и в то время где это только имело возможность произойти.

Голубой снег плотным покрывалом застелил крыши, дорожки, огородные грядки. На ветвях садовых деревьев застыла бахрома крупнозернистого инея. В мерцании звёзд ледяной воздух казался абсолютно стерильным и по квантовым свойствам напоминал вакуум.

Оживлял картинку только звук, пробивавшийся сквозь окна деревянного дома. Надрылся телевизор и мне показалось, что многие фразы, сказанные диктором, могли быть весьма полезными для моего возможного развития.

– Привет Заморыш! – проговорил я, и понял, что сказал это вслух. Здесь, около Луки, моё существование налилось, физической силой, у меня появились человеческие ощущения, и слабые контуры тела. Он молчал, и это молчание разозлило меня, и заставило закричать:

– Заморыш! Убогий Урод, наконец-то я нашёл тебя. Теперь ты ответишь за всё! За мокрые штаны, за мастику, за ветхие фотографии, за дубаносую лодку! За Васильевский остров!

– Ты сказал: «Заморыш» – проговорил он – Откуда ты знаешь это слово?

– А как тебя ещё называть? Ветошью? Падалью?

– Ветошь – это потрепанная тряпка. Её используют для лечения стальных двигателей – сказал он- так мы шутя называли собаку на Белом море на острове Среднем. Шерсть у той собачки свалилась и колтуны висели как тряпочки. Падаль, это разложившееся плоть мёртвых животных. Разложение вызывают бактерии. Падаль довольно питательная пища. Животные любят есть падаль. Правильно приготовленная гнилая селёдка и квашенные моржовые ласты,

были деликатесом для северных народов. На том же острове Среднем, для демонстрации питательности, была приготовлена квашенная селёдка. Её сквасили в морском прибое и после дегустации нежно называли «падалью».

– Заморыш хватит! Перестань! – закричал я. Мне стало понятно, к чему он клонит. Но он не остановился.

– Заморыш – это имя хромой курицы, которую истерзали и покалечили чёрная и рыжая собака.

– Нет! – я попытался закричать, и мне удалось усилить громкость звуковых волн – Заморыш ты! Заморыш ты! Заморыш ты!

– Я выхаживал эту курицу. Мне было её безумно жаль. Она жила только благодаря тому, что я её кормил отдельно от куриного социума. Так бы её заклевали.

– Заморыш! Заморыш! – упоённо прокричал я

Но он потерял ко мне интерес. И стал для меня едва заметен. Я видел только теплый огонёк в его груди.

Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось успокоиться и сформулировать нейтральную фразу:

– Ты цифровая пустая система! – сказала я – Нелепая голограмма, рассчитанная на иллюзию существования. Все твои эмоции, это лишь база данных, учебная выборка, для анализа высших существ.

– Я погляжу ты увлечён цифрами и мёртвой семантикой – сказал он – Ты словно ёж. Но все твои иглы, направлены внутрь, а должны быть наружу.

Его слова, были маленькой кнопкой, взорвавшей моё существование. В бешенстве, я готов был исчезнуть, но ещё раз проучить этого нелепого малыша.

– Заморыш! Заморыш! – мне удалось крикнуть настоящим голосом, да так громко, что на него среагировали окрестные собаки, послышался залиvistый лай.

– Попробуй вспомнить как меня зовут – сказал Заморыш – Тебе станет легче.

– Ты мне указываешь? Ты, ничтожное множество, смеешь мне указывать? И ещё давать советы? – большего унижения моя структура вынести не могла. Во мне клокотала злоба, жестокость, агрессия. Мне требовалось совсем немного веса и плотности чтобы свернуть этому слабому, примитивному рабу подбородок и переломать рёбра.

– Я боюсь лошадей – спокойно сказал Заморыш – Ты знал, что я боюсь лошадей? Ты можешь вспомнить этот факт?

Я немного растерялся. И свою растерянность я захотел использовать во благо. Пока Заморыш меня жалеет я соберусь с силами и убью его. Это моя цель, мне необходимо разрушить его телесную и духовную систему.

– Я боюсь лошадей – продолжал он – Это не панический страх, это не детская травма, я их боюсь слегка, и воспринимаю свою боязнь как чудачество, как проявление кризиса среднего возраста. Если ты сейчас е вспомнишь моё имя, то ты исчезнешь. Я бы хотел, чтобы перед исчезновением ты, Антип, проанализировал этот странный факт – я боюсь лошадей.

– Антип?! – я продолжал копить силы для удара. Но это не помешало мне удивиться, когда я услышал это имя- Меня зовут Антип?

Заморыш повернул голову и впервые пристально посмотрел на меня. Под его взглядом, я почувствовал, как у меня сформировались и открылись глаза.

– Я не помню – сказал он – Мне стало душно, и я вышел на свежий воздух. Сейчас я отдышусь и попробую вспомнить твоё имя.

Когда я посмотрел на него при помощи глаз, я заметил, что тёплая область его тела увеличилась, и вообще он стал более плотным, насквозь просматривалась не более половины его оболочки.

– В смысле вышел? Куда вышел? – сказал я – Разве здесь можно куда-нибудь выйти?

– Не знаю. – сказал он и замолчал.

Заморыш в очередной раз потерял ко мне интерес. Наша встреча, ничего для него не значила, а у меня не было воли, ни уйти прочь, ни проломить его ненавистный череп. Установившееся тишина, это начало медленного, но верного моего уничтожения.

– Это тебя зовут Антип? – тихо проговорил я

– Нет

– Врёшь! – закричал я, и мне снова ответили собаки – Тебя зовут Антип! А меня зовут Пётр.

– Подумай-сказал он.

– Твоё имя Пётр?

Он усмехнулся – Нет.

– Пётр!

– Что Пётр?

– Тебя зовут Пётр?

– Пётр? Пётр на греческом языке означает камень, у меня не могло быть такого имени.

– Пётр – снова повторил я.

– Ты повторяешь это имя – проговорил Заморыш – Потому что имя Антип, расшифровывается как Анти Пётр.

Мне удалось сжать кулаки. Впервые за время своего существования я почувствовал пальцы и руки. Удовлетворение, от этого достижения прояснила мой разум.

– Лака! – прошептал я слово, которое вновь, как и прежде, получило способность всплывать в процессе моих размышлений.

Он снова обратил на меня внимания, и долго смотрел на моё формирующиеся тело. Я ступевался, мне требовалось чтобы он отвлёкся или что-нибудь говорил.

– Кто я? Зачем мне существовать? – мой шёпот, хорошо передал философское фиаско – Для чего тебе понадобилась моя жизнь?

– Потрогай снег, попробуй воздух – сказал он —Когда мне станет свежо, и я отдышусь от духоты, ты исчезнешь.

– Пётр! Лака! Всё что я делал с тобой и для тебя, это был мой долг. Долг друга перед другом. Я учил тебя быть сильным. Моё превосходство, моя власть сделала меня сильнее огромного количества людей, которое ты встречал на своём пути ... – мне пришлось шипеть, чтобы скрыть злобу.

Лака продолжал молчать. Возможно молчание – это основное состояние этого мужчины. И как я не силился, я не мог вспомнить этот простой факт, что любит Лака: – Говорить? А может молчать? – Боле того, я не мог вспомнить, кем по статусу является Лака. Ведь я должен знать почему в моих воспоминаниях он занимает важное место. Почему, запах гнилой соломы притащил меня сюда, почему я постоянно испытываю приступы гнева, агрессии, но не понимаю причины происходящего.

– Лака! Заморыш! – мой крик распугал собак – Лака ты Заморыш! Ты не проснёшься! Я убью тебя! Я убью тебя!

Мне удалось вскочить на скирду и ударить его в темечко. Он не заметил мой манёвр, а моя рука от удара, скрутилась в болезненных конвульсиях. Я впервые почувствовал острую, смертельную боль, в ужасе я спрыгнул со скирды, ища способ унять дрожащие и пульсирующие костяшки на кулаке.

– Меня зовут Лука! – сказал Лука – Несмотря на все попытки, мне не удалось найти материальный эквивалент к слову Лака.

Я промолчал в ответ. Для меня, вся эта игра с именами потеряла смысл. Моё существование познало боль, и полностью изменилось. Словно в воду добавили соль, и она потеряла

способность замерзать, так и я потерял способность упиваться бешенством, поддаваться агрессии, и сосредотачивать в своём сознании гнев и злость.

Лука вслед за мной тоже сник. Он сидел, обхватив колени и раскачивался в стороны словно большая пластиковая выцветшая от нахождения на улице – неваляшка.

– Лака ... – проговорил он в задумчивости и повернулся ко мне – помоги вспомнить – сказал он – Антип, помоги вспомнить кто такой Лака. Для меня это важно.

– Нет – сказал я твёрдо.

– Почему?

Я промолчал в ответ. Изменения произошли не в моём существовании, а в зародившимся в болевом шоке теле. И физическая оболочка помогла мне прочесть всю ситуацию и с нашей встречей, и с гнилой травой. Лука, пускай это и есть его имя, воспринимал происходящее как сон. Его сознание тонуло в бездну, и не пытались себя спасти. Меня он забудет, даже если сможет выплыть и проснуться.

– Умоляю тебя! Скажи! – воскликнул он и заплакал.

– Ты плачешь во сне? И как часто?

– Мужчины плачут во сне – сказал он – Когда не могут вспомнить детство.

Я сел на корточки, и положил ноющую руку на голубую твёрдую поверхность земли. Снег таял под моей ладонью, я собрал податливую массу в снежок и поднёс к лицу. Холодные капли сочились между каплями и падали вниз. Я открыл рот и попытался поймать несколько капель языком, но капли летели сквозь него. Тогда я положил комок в рот и с наслаждением почувствовал весь спектр вкуса талой воды.

Вкусовое пиршество на ровне с пыткой болью окончательно прояснили для меня происходящую ситуацию. И самое грустное было то, что вслед за Лукой я тоже исчезал в бездне небытия.

– Падаль – это пропитанная трупным ядом плоть – сказал я – Нельзя, субстанцию, которая и внешним видом, и запахом вызывает рвоту и конвульсии желудка, называть физиологической едой.

– Гнилая солома.

– Что? – я был сбит с толку его ответом.

– Гнилая солома – повторил он – Мне не даёт вольно дышать, гнилая солома. Её аромат, испарение, содержит яд

– Солома?! – это было дурное слово, оно означало пути, которые привели меня сюда, и держали на месте.

– Или не яд – размышлял Лука – Возможно это газ – метан. Бактерии, когда разлагают целлюлозу возможно выделяют метан.

– Что такое целлюлоза?

– Это длинные молекулы, которые как из кирпичиков состоят из глюкозных циклов. Основной строительный материал для растений. Древесина и солома состоят из целлюлозы и некоторых добавок.

– Разве древесина и солома так похожи?

– Да. И то и другое мёртвая механически-проводящая ткань растения. Только солома обычно у однолетников, а древесина у многолетников.

– Мёртвая?

– Да. Чтобы проводить воду от корней до почек достаточно свойств самой воды. Поэтому восходящий ток идёт по мёртвой ткани, а нисходящий от веточек к корешкам по живой ткани флоэме или лубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.